

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1 (22)

ВЕСНА — ЛЕТО
2015

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае»
из собрания ИВР РАН. Предисловие, транскрипция, перевод
с монгольского языка, примечания *Д.А. Носова* 5

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Л. Хосроев. Еще раз об апофатическом богословии
гностиков (материалы и комментарий) 12

Л.В. Горяева. Две рукописи «Повести о раджах Пасея»
(к истории текста) 37

И.С. Гуревич. О двух буддийских текстах как источниках
китайского разговорного языка III–IX вв. 47

К.Г. Маранджян. Конфуцианский трактат Наказ Тодзю
«Беседы со старцем» как достоверный исторический источник,
или Были ли неграмотными самураи в начале XVII в.? 57

З.А. Юсупова. К истории изучения лурских диалектов 67

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

М.М. Юнусов. Из истории дешифровки западносемитского
письма: события и люди. III. Пальмирские тексты в Европе:
С. Пети и Н.-К. де Пейреск 75

Ю.А. Иоаннесян. Троичная духовная природа человека
в учении шейхитов 98

А.И. Колесников. Топография христианских епархий
Восточного Ирана и Хорасана при Сасанидах (III–VII вв.) 118

В.М. Рыбаков. «Незаконное присвоение» в уголовных
законах китайской династии Тан 128

С.Л. Бурмистров. Даттатрея и его место в индуистской
мифологии 141

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Е.П. Островская.* Вклад Н.Д. Миронова в изучение буддийской коллекции собрания индийских рукописей Азиатского музея — ИВР РАН 153
- С.И. Марахонова.* Российский японист С.Г. Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. (на англ. яз.) 169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.А. Пан.* 57-я ежегодная встреча Постоянной международной алтаистической конференции (Владивосток, 9–14 сентября 2014 г.) 177
- С.Л. Бурмистров.* 31-я конференция по философской компаративистике «Философская компаративистика и компаративная философия образования». Центр философской компаративистики Института философии СПбГУ (Санкт-Петербург, 21 ноября 2014 г.) 181
- Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.* Восьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2014 г.) 184
- М.М. Юнусов.* Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова (Санкт-Петербург, 13–15 января 2015 г.) 189
- С.Х. Шомахмадов.* X Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, 11 февраля 2015 г.) 200
- Ю.А. Иоаннесян.* Иранистическая конференция «Философия, религия, история и культура Ирана» (Санкт-Петербург, 18 февраля 2015 г.) 204

РЕЦЕНЗИИ

- Kritzer Robert.* Garbhāvakrāntisūtra: The Sūtra on Entry into the Womb. — Tokio: The International Institute for Buddhist Studies of The International College for Postgraduate Buddhist Studies, 2014 (Studia Philologica Buddhica, Monograph Series XXXI). — 438 pp. (*В.П. Иванов*) 208
- Боркин Л.Я.* Извара, Н.К. Рерих, Гималаи. — СПб.: Издательство «Европейский дом», 2014. — 256 с., 270 илл. (*Т.В. Ермакова*) 211
- Васильков Я.В.* Миф, ритуал и история в «Махабхарате». — СПб.: Издательство «Европейский дом», 2010. — 397 с. (*Е.В. Танонова*) 213
- Руденко М.Б.* Очерки средневековой курдской литературы. Подготовка рукописи к изданию, предисловие, примечания, указатели Ж.С. Мусаэлян; Приложение: *Руденко М.Б.* Материалы и наброски для лекции «Курды: Быт, нравы, обычаи и культура». — СПб.: Контраст, 2014 (Азиатика). — 280 с. (*З.А. Юсупова*) 216

IN MEMORIAM

- Владимир Аронович Якобсон (1930–2015) (*Н.О. Чехович*) 219
- Валерий Вячеславович Полосин (1939–2014) (*С.М. Якерсон*) 221

На четвертой стороне обложки:
Миниатюра из альбома
“Hindoo mythology”, vol. I,
шифр Ms.Ind.IV, 19, из
коллекции ИВР РАН

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
Р.И. Котова
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

WRITTEN MONUMENTS OF THE ORIENT

1₍₂₂₎
spring – summer
2015

Founded in 2004
Issued biannually

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

Manuscript of Mongolian Folktale *A Tale of the Old Man Borontai* from IOM, RAS Collection. Foreword, Transcription and Translation from Mongolian by *D.A. Nosov* 5

RESEARCH WORKS

A.L. Khosroyev. Some More Reflections on the Apophatic Theology of Gnostics 12

L.V. Gorიაeva. Two Manuscripts of *The Kings of the Pasai Chronicle* (Notes on the Text's History) 37

I.S. Gurevich. On Two Buddhist Texts as Sources to Study the Vernacular Chinese Language of the 3rd–9th Centuries 47

K.G. Marandjian. Confucian Treatise of Nakae Toju "Dialogue with an Old Man" as a Reliable Historical Source, or Were the Warriors Illiterate at the Beginning of the 17 Century? 57

Z.A. Yusupova. A Look into the History of Studies in the Luri Dialects 67

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

M.M. Yunusov. From the History of the Decipherment of West Semitic Writing: Events and People. (III) Palmyra Texts in Europe: S. Petit and N.-C. de Peirese 75

Y.A. Ioannesyan. The Shaykhi Teaching on the Tripartite Spiritual Reality of the Human Being 98

A.I. Kolesnikov. Topography of the Christian Dioceses in Eastern Iran and Khurasan under Sasanians (3rd–7th Century) 118

V.M. Rybakov. "Misappropriation" in T'ang Dynasty Criminal Law 128

S.L. Burmistrov. Dattatreya and His Place in Hindu Mythology 141

Nauka
Vostochnaya Literatura
2015

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- E.P. Ostrovskaya*. N.D. Mironov's Contribution to the Description of the Buddhist Manuscripts at the Indian Collection of Asiatic Museum, IOM, RAS 153
- S.I. Marakhonova*. Russian Japanologist Serge Elisséeff at Harvard in 1932–1957 169

ACADEMIC LIFE

- T.A. Pang*. The 57th Annual Meeting of the Permanent International Altaistic Conference (Vladivostok, September 9–14, 2014) 177
- S.L. Burmistrov*. The 31st Conference on Comparative Philosophy "Philosophical Comparativistics and the Comparative Philosophy of Education". Center for Comparative Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. (St. Petersburg, November 21, 2014) 181
- T.V. Ermakova, E.P. Ostrovskaya*. The 8th All-Russian Oriental Conference in Memory of O.O. Rozenberg (St. Petersburg, November 24–25, 2014) 184
- M.M. Yunusov*. International Conference Dedicated to the Centenary of Igor Mikhailovich Diakonov (St. Petersburg, January 13–15, 2015) 189
- S.Kh. Shomakhmadov*. The 10th Open Theoretical Seminar of the Section of South Asia, Department of Central and South Asia IOM, RAS (St. Petersburg, February 11, 2015) 200
- Yu.A. Ioannesyan*. Conference on Iranian Studies "Philosophy, Religion, History and Culture of Iran" (St. Petersburg, February 18, 2015) 204

REVIEWS

- Kritzer Robert*. Garbhāvākṛāntisūtra: The Sūtra on Entry into the Womb. — Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of The International College for Postgraduate Buddhist Studies, 2014 (Studia Philologica Buddhica, Monograph Series XXXI). — 438 pp. (*V.P. Ivanov*) 208
- Borkin L.Ya.* Izvara, N.K. Roerich, the Himalayas, — St. Petersburg: Izdatelstvo "Yevropeisky Dom", 2014. — 256 pp. (*T.V. Ermakova*) 211
- Vassilkov Ya.V.* Myth, Ritual and History in "Mahābhārata". St. Petersburg: Izdatelstvo "Yevropeisky Dom", 2010. — 397 pp. (*E.V. Tanonova*) 213
- Rudenko M.B.* Studies on Medieval Kirdish Literature. Preparing Manuscript for Publication, Introduction, Comments, Index by Zh.S. Musaelyan; Appendix by M.B. Rydenko. Records for the lecture "Kurds: Life, Morals, Customs and Culture". — St. Petersburg: Kontrast, 2014 (Asiatica). — 280 pp. (*Z.A. Yusupova*) 216

IN MEMORIAM

- Vladimir Aronovich Yakobson (1930–2015) (*N. O. Chekhovich*) 219
- Valery Viacheslavovich Polosin (1939–2014) (*S. M. Iakerson*) 221

Т.А. Пан

57-я ежегодная встреча Постоянной международной алтаистической конференции

Владивосток, 9–14 сентября 2014 г.

57-я встреча ежегодной Постоянной международной алтаистической конференции (Permanent International Altaistic Conference, PIAC, ПИАК) состоялась 9–14 сентября 2014 г. во Владивостоке и была организована д.и.н. Ольгой Васильевной Дьяковой (президентом 57-й конференции) и сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) ДВО РАН. Конференция проходила при поддержке Общества изучения Амурского края (ОИАК) — Приморского краевого отделения Российского географического общества (РГО), а также Дальневосточной государственной академии искусств. В четвертый раз заседание самого представительного международного форума алтаистов состоялось на территории России (если не считать встречи в Ташкенте в 1986 г.). До этого конференция проводилась в Москве (в 2005 г.), Казани (в 2007 г.) и Санкт-Петербурге (в 2010 г.). Выбор Дальнего Востока как места проведения ежегодной конференции был неслучаен, так как именно территория Приморского и Приамурского краев является родиной и местом наиболее компактного расселения тунгусо-маньчжурских народов. Общая тема докладов — «Алтаистика в междисциплинарных исследованиях» — привлекла специалистов различных направлений: историков, археологов, лингвистов, литературоведов, историков науки. Являясь археологом по специальности, президент ПИАК-57 О.В. Дьякова поставила перед Конференцией задачу объединить и сравнить материал, накопленный учеными, что могло бы подтвердить или опровергнуть некоторые положения, выводимые специалистами конкретных, узких специальностей: настало время комплексного подхода к проблемам алтаистики.

На участие в конференции было подано 53 заявки из различных стран мира и городов России, однако приехать в столь далекое от Европы место (основную часть алтаистов составляют европейские ученые) смогли 17 иностранцев из семи стран (Германия, Венгрия, Франция, Финляндия, КНР, Тайвань, Япония) и российские специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Челябинска, Улан-Удэ. Коллеги из Владивостока также приняли активное участие в научных заседаниях. За три дня работы было прочитано 37 докладов.

В официальной части открытия 57-й конференции ПИАК, состоявшейся в здании Президиума Дальневосточного отделения РАН, с приветственным словом выступили: председатель ДВО РАН акад. В.И. Сергиенко; директор ИИАЭ ДВО РАН д.и.н., проф. В.Л. Ларин; председатель ОИАК д.г.н., проф. П.Ф. Бровко. Выступавшие подчеркивали важность проведения конференции ПИАК во Владивостоке как признание международной научной общественностью вклада владивостокских ученых в изучение истории и культуры тунгусо-маньчжурских народов. Генеральный секретарь ПИАК д-р Барбара Кельнер-Хайнкеле поблагодарила организаторов и лично президента ПИАК-57 О.В. Дьякову за проведенную подготовительную работу и обеспечение иностранных коллег всеми необходимыми документами для их участия в конферен-

ции. По окончании официальной части открытия для гостей был приготовлен сюрприз — перед участниками конференции выступил детский театр «Образы» под руководством режиссера Марины Владимировны Савельевой. Дети специально приехали из села Анисимовка (Шкотовского района Приморского края), чтобы показать спектакль по мотивам удэгских народных сказок на официальном открытии ПИАК-57. Сбор фольклорного материала, пошив костюмов, разучивание мелодий и танцев — всё это, будучи делом рук энтузиастов детско-молодежной организации «Вектор А», является частью программы по приобщению молодого поколения к изучению родного края. Кроме этого, во время летних каникул дети участвуют в археологических экспедициях, ежегодно проводимых сотрудниками ИИАЭ ДВО РАН. Безусловно, эта работа и выступление детского театра были высоко оценены участниками конференции.

После традиционной церемонии «покаяния» (“confessions”), когда участники конференции кратко сообщили о своих научных достижениях за прошедший после предыдущей встречи год, а новые члены ПИАК представились собравшимся, началась работа по секциям. Конференция переместилась из здания Президиума ДВО РАН в соседнее здание Общества изучения Амурского края — исторический центр приморского и амурского краеведения. Председатель ОИАК П.Ф. Бровка познакомил с историей Общества, основанного в 1884 г. Заседание проходило в историческом зале, в котором работали известные историки и этнографы, такие как Ф.Ф. Буссе, В.К. Арсеньев, бывал в нем и А.П. Чехов.

Представленные на конференции доклады можно разделить на несколько тематических групп. Было прочитано три доклада по истории науки: Хартмут Валравенс (Германия) рассказал о занятиях Вильгельма Радлова маньчжурским (сибирским) языком в Барнауле; Тацуо Наками (Япония) — о зарождении востоковедения в Японии и визите Сиратори Куракичи во Владивосток в начале XX в.; Т.А. Пан (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление истории преподавания маньчжуроведения во Владивостоке и деятельности А.В. Гребенщикова в Восточном институте и Дальневосточном университете в начале XX в.

Историческая тематика была представлена в большинстве докладов. Так, Барбара Кельнер-Хайнкеле (Германия) в выступлении «Новые дороги открытий и исследований: железные дороги (середина XIX — начало XX в.)» рассказала об освоении европейцами Восточного Туркестана. Сложная история формирования тюркских этнических групп на территории Южного Урала (на примере ичкинских татар) была представлена в докладе Гаяза Самигулова (Челябинск). Роман Гвоздев (Владивосток) в докладе «Традиционное военное знание тунгусо-маньчжуров (по материалам XVII–XX вв.)» на основе исторических источников проследил развитие военного искусства амуро-сахалинского исторического и культурного ареала.

Изучение истории тунгусо-маньчжурских народов неразрывно связано с археологией и источниковедением. В докладе «Тунгусо-маньчжурские и монгольские контакты» О.В. Дьякова (Владивосток) показала, что, согласно археологическим находкам, только народ удэгэ (из всех тунгусо-маньчжурских народов) имел прямые контакты с монголами, так как территория его расселения находилась непосредственно на пути монгольского завоевания. Анализ различных археологических памятников Приморья палеоазиатского периода (бронзовый и раннежелезный век) позволил Е. Сидоренко (Владивосток) проследить пути взаимодействия различных культур и формирования новых этнических общностей древности. В.Э. Шавкунов (Владивосток) представил археологические находки с раскопок Смольнинской культуры Приморья, которая датируется VIII–XI вв. и соседствовала с государством Бохай.

В нескольких докладах рассматривались источниковедческие проблемы. Хигучи Коичи (Япония) проанализировал монгольские переводы «Лотосовой сутры», сделанные в разное время с уйгурского, китайского и тибетского языков, и попытался установить связь между ними. Редкой киданьской рукописи из коллекции Института восточных рукописей РАН был посвящен доклад В.П. Зайцева (Санкт-Петербург), в котором он сделал попытку дать сравнительный анализ киданьских и китайских исторических источников. Лю Гэ (КНР) в докладе «Соотношение уйгурского *ċin bitig* с китайским термином 亲契» доказала китайское происхождение уйгурского термина *ċin bitig*, который, по ее мнению, был заимствован из китайского языка в период династии Юань. Сравнительный анализ терминологии, используемой в монгольской версии «Ламрин чэнмо», был представлен в выступлении А.А. Сизовой (Санкт-Петербург).

Лингвистическое взаимодействие тунгусо-маньчжурских языков стало темой нескольких докладов. Языки малых народов, находящиеся в постоянном контакте с государственным языком (китайским или русским), подвергаются значительному влиянию и изменению. В совместном докладе Гун Хайжун и Дин Шицина (КНР) был предложен сравнительный анализ изменений в использовании терминов родства у ороченов и дауров. Литип Тохти (КНР) дал исторический обзор развития системы гласных в уйгурском языке. Юха Янхунен (Финляндия) в докладе «От Сингапура до Хабаровска. Дальневосточные истоки евразийского заимствования *wanderword*» проследил изменение корня со значениями «город, деревня, заграждение» в шести этимологических субсемьях (*burg-*, *purgos*, *balik*, *falu*, *polis*, *huri*). Кам Так-син (Тайвань) предложил свое толкование этимологии этнонима «монгол», связав его с названием реки во Внутренней Монголии. Сяо Суин (Тайвань) на примере слова «говорение» представила собранную ею базу данных по большому количеству маньчжурских и маньчжуро-монгольских параллельных текстов.

По грамматике тувинских языков выступила Л.А. Шамина (Новосибирск) с докладом «Аналитические конструкции как источник грамматикализации тувинских языков». Об изучении шорского языка и создании базы данных текстов на этом исчезающем языке рассказал Д.А. Функ (Москва) в докладе «О принципах оцифровки текста: новые возможности работы с фольклорными текстами на языках народов Сибири».

Вопросы изучения литературы и фольклора народов алтайского мира были подняты в докладах М.П. Петровой, Д.А. Носова и Л.Е. Фетисовой. М.П. Петрова (Санкт-Петербург) рассказала о традиционном жанре монгольской литературы *намтаре* — историческо-биографическом романе, — остановившись на романе современного монгольского писателя Г. Менд-оё «Гэгээнтэн» о буддийском святом и поэте Д. Равджи. Доклад Д.А. Носова (Санкт-Петербург) был посвящен теории монгольского фольклора и попытке реконструкции «фольклорного действия» на примере текстологического анализа фольклорных текстов, этнографических записей 1920-х годов. Л.Е. Фелисова (Владивосток) сообщила о своих исследованиях фольклора народа ульчи в докладе «Ульчский нарративный фольклор в системе народного искусства амурских народов».

Несколько докладов было посвящено общим вопросам алтаистики. Анализ подхода японских ученых к проблеме алтайского языкознания, к месту японского языка в алтайской семье в сравнении с подходом турецких ученых к определению места турецкого языка был дан в докладе Абдурахман Гульбеяз (Япония) «Макроалтаистическая теория в японоведении». В совместном докладе Ж. Легран и Я. Каркучинска-Легран (Франция) представили свои размышления о роли алтаистики как междисци-

плинарной науки и в связи с этим о необходимости тщательного и научного использования информации, получаемой из смежных фундаментальных наук. В совместном докладе А.Х. Гирфановой, Н.Л. Сухачева (Санкт-Петербург) «Проблемы исторической лексикологии и этимологической реконструкции (сложность и многоаспектность)» был дан анализ различных этимологических словарей, изданных российскими учеными за последние 50 лет. Авторы показали значение ретроспективного и сравнительного анализа для датировок языковых изменений и связь лингвистических исследований с археологическими и этнографическими данными.

Заключительное, общее собрание (“business meeting”) состоялось в последний день работы конференции. На нем, по традиции, был объявлен лауреат Золотой медали университета Индианы за научные достижения в области алтаистики. В 2014 г. этой награды был удостоен профессор Цэрэнсодном из Улан-Батора, выдающийся монгольский ученый, специалист по литературе, истории и культуре монголов. Поскольку он не присутствовал на конференции во Владивостоке, то медаль была доставлена в Улан-Батор постоянным членом ПИАК Оливером Корфом и вручена лично проф. Д. Цэрэнсодному 13 января 2015 г. в присутствии президента Академии наук Монголии и коллег из Института языкознания АН Монголии. По традиции, на заключительном заседании тайным голосованием был избран международный Комитет по медали на следующий, 2015 г. В него вошли генеральный секретарь ПИАК Барбара Кельнер-Хайнкеле (Германия), президент ПИАК-57 О.В. Дьякова (Россия), Т.А. Пан (Россия), Хартмут Валравенс (Германия), Юха Янхунен (Финляндия).

На общем собрании не было решено, где пройдет следующая встреча Постоянной международной алтаистической конференции. Решение было принято позже: 58-я конференция ПИАК состоится 6–11 сентября 2015 г. в Dunajská Streda (Словакия).

С.Л. Бурмистров

**31-я конференция по философской компаративистике
«Философская компаративистика и компаративная
философия образования». Центр философской
компаративистики Института философии СПбГУ
Санкт-Петербург, 21 ноября 2014 г.**

В рамках Дней философии в Санкт-Петербурге 21 ноября 2014 г. в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета состоялась 31-я межвузовская конференция по философской компаративистике «Философская компаративистика и компаративная философия образования» (руководитель — д. филос. н., профессор кафедры истории философии ИФ СПбГУ А.С. Колесников, ученый секретарь — д. филос. н., в. н. с. Института восточных рукописей РАН С.Л. Бурмистров). В конференции приняли участие ученые из России и Белоруссии. Открыл ее проф. А.С. Колесников с докладом о будущем университета и гуманитарных наук как части системы образования «Прав ли Деррида? (Будущее профессии или университет без условий)». В современных условиях, отметил в своем докладе А.С. Колесников, университет становится корпорацией, что требует не только изменения содержания читаемых курсов, но и введения новых форм подачи материала. Постепенно теряется фундаментальный для традиционного университета принцип академической свободы, что характерно не только для России, но и для университетов Запада. Отходит университет и от другого принципа, сформулированного еще Вильгельмом Гумбольдтом, — приоритета исследования перед преподаванием. В традиционных университетах сотрудник был прежде всего исследователем, передача же полученных им знаний ученикам происходила в ходе самого исследования, в котором они участвовали как ассистенты своего учителя. В новых условиях перед университетом ставится задача интеграции исследования и преподавания и ориентация исследований на прикладную проблематику. Все это касается и философии — сегодня она тоже должна ориентироваться на решение прикладных задач, и это требует пересмотра самого понятия философии. На это накладывается еще одна проблема: производство знаний теперь не есть прерогатива только университетов и академий, существует множество других организаций (не только государственных, но и частных), которые не менее, а порой, возможно, и более эффективны в деле получения новых знаний.

Интерес вызвало краткое сообщение учителя гимназии «Петершуле» Р.Н. Дёмина «Янь Юань (1635–1704) как китайский Коменский». Фигура Янь Юаня, еще далеко не достаточно оцененная в европейской синологии, представляет интерес как одна из заметных в истории китайской педагогики. Дж. Нидэм не случайно сравнивал Янь Юаня с Яном Амосом Коменским, подчеркивая сходство той роли, которую каждый из них сыграл в истории своей культуры. В школе Янь Юаня изучались не только конфуцианская классика (к конфуцианству этот мыслитель был настроен довольно скептически), но и естественные науки — математика, механика, астрономия и т.д.

С докладом «„Повороты“ в философии и гуманитарном знании и трансформации в исследованиях социальных компетенций» выступил профессор Белорусского госу-

дарственного университета Х.С. Гафаров. В течение XX в. в педагогике менялись представления о компетенциях, которые школа и учреждения высшего образования должны развивать у учеников и студентов. В частности, во второй половине XX в. на фоне роста национально-освободительного движения в Азии и Африке одной из важных задач образования стало развитие компетенций в сфере интеркультурной коммуникации. В особенности актуальными эти компетенции стали к концу XX в., когда на мировой арене остро столкнулись интересы стран, представляющих различные культурные регионы. Кроме того, расширилось и само понятие компетенции, в которое теперь включаются не только сугубо профессиональные навыки, но и *Handlungskompetenz* — способность быть успешным членом общества и адаптироваться к самым разным социальным средам, эффективно добиваясь своих целей при ограничениях, налагаемых данной средой.

В докладе С.Л. Бурмистрова «Образ индийской философии в публицистике А.Р. Вадиа» речь шла об образах индийской культуры в субкультуре индийских зороастрийцев. Ардешир Руттонджи Вадиа — не самая яркая звезда в созвездии индийских интеллектуалов XX в., однако он интересен тем, что в его взглядах преломились представления о сущности культуры, государства и месте человека в них, характерные не только для индуистского общества, но и для общины парсов (индийских зороастрийцев), которые в силу своего положения религиозного и этнического меньшинства в индийском обществе могли смотреть на традиционные для него мировоззрение и социальные практики в известной мере с позиции отстраненного наблюдателя (хотя, конечно, степень этой отстраненности не следует преувеличивать). Взгляды Вадиа определялись и характерными для индийской зороастрийской общины демографическими процессами: она первой среди всех страт индийского общества прошла через «демографический переход», что отрицательно сказалось на ее численности. Кроме того, размыванию общины способствовала, как ни странно, и сравнительно высокая образованность парсов по сравнению с индусами и тем более индийскими мусульманами, что вело к критическому отношению к традициям, удерживающим общину единой. С демографическими проблемами тесно переплетались и политические, порожденные Первой мировой войной, которая послужила толчком к изменению не только самой политики, но и принятых в обществе взглядов на нее. В этом смысле индийская культура с ее, по мнению Вадиа, сравнительной слабостью «государственного мышления» отстает от западной, где государство как институт всегда играло значительную роль, что и послужило одним из факторов, позволивших странам Запада добиться столь убедительных успехов на мировой арене в Новое время. Такому положению дел способствует и сама индийская религия с ее учением о карме, ведущим, по мнению Вадиа, к фатализму. Кроме того, различия существуют и в этике: западная этика социоцентрична, в ней моральное измерение имеет лишь социально ориентированное действие, тогда как индийская этика, напротив, отрывает человека от общества. Из всего этого, однако, не следует, что индийской цивилизации требуется адаптировать для себя западные ценности. Такая адаптация невозможна, и все, что может сделать индийское общество, — это развить те особенности своей культуры, которые ранее не были востребованы и не развивались в достаточной степени, но теперь могут послужить инструментом адаптации индийского общества к сложным современным условиям.

Доцент Сибирского института управления (Новосибирск) О.А. Береговая в докладе «Методологические возможности философской компаративистики для компаративной философии образования» осветила аксиологические проблемы современного образования, обусловленные контактами между разными цивилизациями и требую-

шие переоценки ценностей, на которых построено образование в современном мире. Взаимопроникновение культур, порожденное глобализацией, одним из аспектов которой является академическая мобильность, требует новых подходов к образовательным стратегиям — подходов, которые учитывали бы разницу между культурами и в то же время позволяли бы до известной степени унифицировать цели и ценности образования.

Выступили на конференции также профессор Московского авиационного института В.В. Кравченко с докладом «Полтора века женского образования в России: философский аспект»; доцент кафедры философии Калининградского государственного технического университета Н.В. Меднис с докладом «Философия как основа образовательной системы современности»; профессор кафедры истории философии Института философии СПбГУ Л.Ю. Соколова с докладом «Формирование интеллекта в эпистемологических концепциях Ж. Пиаже и Г. Башляра»; доцент кафедры прикладной политологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) С.В. Акопов с докладом «Транснациональная модель идентификации: между космополитическими и национальными нарративами» и ряд других.

Т.В. Ермакова, Е.П. Островская

Восьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга

Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2014 г.

Восьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти Оттона Оттоновича Розенберга проходили 24–25 ноября 2014 г. на базе своего учредителя — Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН).

В течение двух дней было проведено четыре заседания, на которых заслушали и обсудили 32 доклада и сообщения. Тематически доклады примыкали к проблематике Санкт-Петербургской школы классического востоковедения и Санкт-Петербургской буддологической школы как ее самостоятельной ветви.

Наряду с сотрудниками ИВР РАН с докладами выступили востоковеды из Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК). Московские центры востоковедения были представлены докладчиками из Института стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ), Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Школы гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Также на Чтениях выступили востоковеды из Самары, Екатеринбурга, Владивостока, Элисты, Новосибирска. По сложившейся традиции с сообщениями по темам диссертационных исследований выступили аспиранты ИВР РАН, СПбГИК, ИСАА МГУ, Уральского федерального университета.

Директор ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Попова, открывая Чтения, подчеркнула положительную тенденцию расширения тематик Чтений 2014 г. и географии научных востоковедных центров, сотрудники которых участвуют в заседаниях с докладами.

На Чтениях были представлены результаты текущих буддологических исследований.

Е.П. Островская (Санкт-Петербург) в докладе «Границы применимости термина „школа“ в описании буддизма Индии» затронула важнейшую проблему историко-философской реконструкции процесса формирования и самоидентификации философских школ раннего буддизма. В докладе было подчеркнуто, что сложность подобного исследования дополнительно обусловлена практически полным отсутствием базовых источников санскритского буддийского канона, доступного современным исследователям преимущественно в тибетских и китайских переводах. Е.П. Островская охарактеризовала важнейший из дошедших до нас источников — «Махавибхашу», сохранившую названия ранних школ. Был сделан принципиально новый вывод о буддийских школах как о социокультурных сообществах, институционализированных на базе монастырей и сохраняющих образовательную традицию.

Доклад П.Д. Ленкова (Санкт-Петербург) «Концепция „Трех Драгоценностей“ в позднесредневековом даосизме и ее буддийские параллели (по тексту „Лун мэнь синь фа“, XVII в.)» был посвящен анализу концепции «Трех Драгоценностей» в поздне-

средневековом даосизме. Данная концепция, как продемонстрировал П.Д. Ленков, возникла в результате буддийского влияния на даосскую мысль. В качестве источника для анализа взят текст «Лун мэнь синь фа» («Закон сердца/сознания [согласно традиции] Лунмэнь»), в котором изложены воззрения Куньян-цзы (Ван Чаньюэ), наставника даосской школы Цюань чжэнь цзяо (Учение совершенной истины). В докладе была подробно освещена терминология, используемая в соответствующем фрагменте текста «Лун мэнь синь фа».

В.Ю. Климов (Санкт-Петербург) в докладе «Власть и идеология в эпистолярном наследии Высокомудрого Рэнне (1415–1499)» осветил существенный для понимания социокультурного своеобразия школы «Истинной Веры Чистой Земли» аспект — соотношение иерархии социальных, в том числе религиозных, статусов и равенства в вере. На основе комментированного перевода посланий Высокомудрого Рэнне к последователям докладчик представил аргументацию Рэнне в обосновании своего символического статуса «Управляющий владениями Амида» в мире живых существ.

А.В. Зорин (Санкт-Петербург) представил доклад «Краткие дхарани-сутры в тибетском сборнике „Сунгдуй“ Таранатхи (XVII в.)», в котором осветил состав памятника и аргументировал критерии классификации помещенных в сборник дхарани-сутр: с краткой нарративной рамкой, поясняющей происхождение и функции конкретной молитвы-дхарани; без нарративной рамки; апокрифические тексты, представляющие собой молитвы на тибетском языке, но именуемые дхарани.

Ю.В. Болтач (Санкт-Петербург) в докладе «Раздел „почтительные и добрые“ корейского буддийского исторического сочинения „Деяния [людей] Трех государств“ (XIII в.)» дала общую характеристику источника и провела сопоставительный анализ конфуцианской категории «сыновняя почтительность» и буддийской «доброта» в сюжетах раздела «Почтительные [и] добрые» обширного памятника, составленного на литературном китайском языке буддийским монахом Иреном примерно в 1285 г. Ю.В. Болтач продемонстрировала содержание исследуемого раздела Самгук юса как источник для понимания историко-культурного своеобразия корейского буддизма.

И.С. Гуревич (Санкт-Петербург) выступила с докладом «О двух буддийских текстах как источниках китайского разговорного языка III–IX вв.», в котором на конкретных примерах обосновала влияние переводной буддийской литературы на лексико-грамматический строй китайского языка соответствующих периодов.

На Восьмых чтениях увеличилось, по сравнению с прошлыми годами, число докладов, в которых использованы и проанализированы материалы рукописных фондов ИВР РАН и Архива востоковедов ИВР РАН (АВ ИВР РАН), предприняты попытки реконструкции истории коллекций Азиатского музея — ИВР РАН.

Так, С.Х. Шомахмадов (Санкт-Петербург) в докладе «Эпитет *аджита* („Непобедимый“) в индийской религиозной традиции» представил некоторые результаты исследования рукописи на санскрите из Сериндийского фонда ИВР РАН (SI 2085) — хотанской версии «Аджитасена-вьякарана-нирдеша-нама-махаяны-сутры». В своем сообщении докладчик сделал акцент на анализе эпитета *аджита* (часть имени одного из персонажей сутры — царя Аджитасены) в индийских религиозных текстах — ведийских гимнах, джайнских нарративах, буддийских сочинениях, тезаурусах индуистской традиции и пуранической литературе. С.Х. Шомахмадов сделал вывод о поэтапной эволюции данного эпитета от маркера воинской доблести древних ариев до характеристики превосходной степени религиозной аскезы.

Т.В. Ермакова (Санкт-Петербург) в докладе «Личность и окружение И.П. Минаева на основе материалов из Архива востоковедов ИВР РАН» обогатила биографическую канву одного из основоположников Санкт-Петербургской буддологической школы

новыми фактами, в частности об устойчивых научных и дружеских связях с профессорами Московского университета, литературно-общественными московскими кругами.

В докладе Д.А. Носова (Санкт-Петербург) «История поступления монгольской рукописной коллекции Казанской духовной академии в собрание Азиатского музея (ИВР РАН)» на основании материалов из фондов СПбФ АРАН был прояснен один из эпизодов истории коллекций Азиатского музея (ИВР РАН). Вопреки распространенному среди историков востоковедения мнению, как обосновал докладчик, одна из крупнейших частей монгольской рукописной коллекции ИВР РАН поступила в Петербург из Казани не в XIX в., а позднее — в ноябре 1927 г. Д.А. Носову удалось установить это на основе ранее неизвестного отчета о командировке гебраиста М.Н. Соколова (1890–1937), который в ноябре 1927 г. был направлен в Казань для определения ценности библиотеки ликвидируемой духовной академии.

Проблематика истории Санкт-Петербургской буддологической школы была поднята в докладе Е.Ю. Харьковской (Санкт-Петербург) «Вклад Е.Е. Обермиллера в изучение Уттаратантры и Абхисама-аламкаръ». Е.Ю. Харькова подчеркнула, что исследование круга источников праджняпарамиты, блестяще проведенное учеником Ф.И. Щербатского, представляло собой один из важнейших аспектов работы Института буддийской культуры (ИНБУК). В докладе было продемонстрировано, что в начале 1930-х годов продолжалось обследование буддийских монастырей Бурятии в целях соприкосновения с живой традицией монашеского философского образования, тогда еще сохранный.

История дискурса о Востоке была представлена в докладе Д.В. Возчикова (Екатеринбург) «Царство Пресвитера Иоанна или оплот еретиков? Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов». В докладе были рассмотрены образы христианской Нубии и Эфиопии в трудах венецианских авторов XIV–XV вв. На материале таких источников, как «Книга тайн верных креста» Марино Санудо и «Трактата о Святой Земле и о Востоке» Франческо Суриано, Д.В. Возчиков обосновал эволюцию представлений венецианцев об отдаленной части христианского Востока за указанный период. В докладе была продемонстрирована амбивалентность образа «черных христиан» в венецианских источниках, а также обозначено влияние текущих политических задач Венецианской республики на конструирование образа христианской Африки в трудах ее сановников, путешественников и дипломатов. Докладчик сделал вывод, что при подчеркивании отличий от европейцев во внешности и образе жизни африканские носители христианства венецианскими авторами осознаются как братья по вере.

Тематический блок «Традиционные идеологии Востока» был представлен проблематикой индийских и дальневосточных учений и концепций. С.Л. Бурмистров (Санкт-Петербург) в докладе «Проблема знания в философии Манданы Мишры (VIII–IX вв.)» проанализировал труды видного представителя ранней адвайта-веданты в аспекте установления историко-культурного своеобразия его учения. В результате исследования, сказал докладчик, было прояснено типологическое уподобление Манданой Мишрой акта постижения смысла слова и Брахмана как высшей реальности.

Доклад В.П. Иванова (Санкт-Петербург) «Бхайравимудра в монистическом шиваизме» был посвящен важному понятию «мудра», функционирующему в пространстве индийского религиозно-философского дискурса. В докладе обсуждались контексты индийской культуры, где зафиксировано это понятие. Акцент был сделан на его понимании в текстах представителей кашмирского монистического шиваизма, в частности у автора X–XI вв. Абхинавагупты. Для анализа понятия привлекались тексты

«Виджнянабхайрава-тантра», «Пратьябхиджня-хридая» Кшемараджи, «Тантралока» и «Анубхаваниведана-стотра» Абхинавагупты. Последний текст, как подчеркнул В.П. Иванов, особенно интересен, поскольку в нем Абхинавагупта в поэтической форме транслирует свое собственное мистическое переживание практики мудры.

Тему, совмещающую религиоведческую и культурно-антропологическую проблематику, поднял В.Р. Атнашев (Санкт-Петербург) в докладе «Особенности ислама у чамов Вьетнама и Камбоджи». В выступлении было аргументированно продемонстрировано региональное и историко-культурное своеобразие повседневной религиозности и обрядовых практик носителей ислама в АТР. Доклад сопровождался видео-иллюстрациями, подготовленными В.Р. Атнашевым на основе его полевого исследования.

А.С. Рысаков (Санкт-Петербург) в докладе «Проблемы методологии исследования конфуцианского письменного наследия» охарактеризовал применимость методов проблемно-тематического, историко-генетического анализа, функционального и структурного подходов в изучении памятников конфуцианского канона.

Московские коллеги-участники Чтений тематически разнообразно представили результаты своих исследований письменных памятников китайской традиции.

М.Ю. Ульянов (Москва) в докладе «Столичное жречество в Древнем Китае периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.)» с привлечением широкого круга источников предпринял убедительную попытку историко-культурной реконструкции структуры древнекитайского общества.

М.С. Целуйко (Москва) посвятил свое выступление «Тексты жанра „доклад“ в составе памятников Хань фэй-цзы, Шан-цзюнь шу и „Исторических записок“ Сыма Цяня» анализу жанровой специфики указанного вида текстов, обозначил проблемы и перспективы их исследования, охарактеризовал источниковую базу — эпиграфику и письменные памятники.

Г.С. Попова (Москва) в докладе «„Предисловия к записям“ (*шу-суй*) как этап развития представлений об историческом прошлом в период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.)» затронула принципиальные для классического китаеведения вопросы — аутентичность исторических источников, динамика концептуализации исторического события.

А.О. Михалевская (Москва) представила доклад «Упоминания Чжугэ Ляна и Ма Дая в китайских сочинениях о народах Юго-Запада (по источникам X–XIX вв.)», в котором на материале конкретного источника рассмотрела проблему идеологизации исторического текста и аутентичности сведений об исторических персонажах.

Как и в предшествующие годы, в 2014 г. на Чтениях аспирантам и молодым ученым была предоставлена возможность апробации конкретных результатов работы по диссертационным и плановым темам.

Т.Г. Завьялова (Новосибирск) в докладе «Проблемы издательских трансформаций трактата „36 стратагем“» характеризовала трактат как источник и продемонстрировала, каким образом в процессе глобализации культуры его истинный смысл был перекодирован и трактат стал элементом культуры гламура. Доклад украсило исключительно удачно подобранное визуальное сопровождение.

О.А. Бонч-Осмоловская (Санкт-Петербург) в докладе «Смысловые уровни в „Каноне песен“ (на примере разделов „Чжоу нань“ и „Шао нань“») сформулировала проблему соотношения уровней прочтения памятника в составе канонических сводов конфуцианской традиции.

Два доклада были посвящены духовной культуре Японии. Д. Кикнадзе (Санкт-Петербург) представила доклад «Почитание сутр и статуй в популярном японском

буддизме X–XII вв. (на материале сборника *сэцува* „Узди сюи моногатари“, XIII в.)». В докладе было аргументировано смысловое и содержательное преемство мировоззренческого комплекса японского популярного буддизма китайскому, представлены выразительные подтверждающие примеры из письменных источников. Ф.В. Кубасов (Санкт-Петербург) охарактеризовал популярные религиозные верования японцев в докладе «Вера в знамения в средневековой Японии (по материалам трактата Байсерон)».

Важную тему восприятия и формирования образа инокультурной религиозной идеологии подняла А.А. Сизова (Санкт-Петербург) в докладе «Представления о буддийском учении *ламрим* в европейской мысли XVIII в.».

Таким образом, на Чтениях была предоставлена возможность обнародования результатов текущей работы и маститым ученым, и научной молодежи, и аспирантам.

На заключительном заседании было принято два решения: сохранить ежегодную периодичность Чтений, размещать тезисы докладов на официальном сайте ИВР РАН.

М.М. Юнусов

**Международная конференция,
посвященная 100-летию со дня рождения
Игоря Михайловича Дьяконова**

Санкт-Петербург, 13–15 января 2015 г.

С 13 по 15 января 2015 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова, выдающегося отечественного ученого, одного из крупнейших востоковедов прошедшего столетия. Конференция была организована Государственным Эрмитажем и Институтом восточных рукописей РАН, где И.М. Дьяконов проработал без малого полвека. Принять участие в этом научном форуме изъявили желание десятки исследователей из России, стран ближнего и дальнего зарубежья, многочисленные ученики и коллеги ученого, близко знавшие И.М. Дьяконова, а также молодые исследователи, изучавшие востоковедную науку по его хрестоматийным работам. Добрые традиции ставших уже традиционными «Дьяконовских чтений» — неизменная атмосфера доброжелательности и высокий профессионализм участников — были перенесены на это юбилейное мероприятие, которое стало замечательным поводом для обмена мнениями исследователей, так как необычайная широта интересов и редкая энциклопедичность знаний И.М. Дьяконова позволили организаторам конференции собрать вместе представителей самых разных направлений истории, филологии и археологии Древнего Востока, предоставить им возможность рассказать о результатах своей работы, а также познакомить зарубежных гостей с современным состоянием изучения Древнего Востока в России. Открытие конференции состоялось в Зале Совета Государственного Эрмитажа. Эта торжественная церемония запомнилась участникам и гостям форума прежде всего теплыми и благодарными словами коллег и учеников И.М. Дьяконова, поделившихся воспоминаниями о выдающемся востоковеде, талантливом учителе, разносторонней личности. Да и в ходе рабочих заседаний многие выступавшие вспоминали «своего Дьяконова». Всего в работе конференции приняли участие представители 10 стран, было прочитано 26 докладов, которые планируется опубликовать отдельным сборником.

Первое сообщение рабочей сессии конференции — «Храм Набу в Кальху и его клиента» — было представлено Дж.Н. Постгейтом (Кембридж, Великобритания). Докладчик кратко рассказал о ходе подготовки очередного тома “Cuneiform Texts from Nimrud, Vol. 6”, который состоит из двух частей. Первая часть — это деловые записи домашнего хозяйства некоего Šamaš-šarḡu-uṣur за несколько десятилетий VII в. до н.э. Вторая часть, предмет сообщения, включает документы из помещений храма Набу, раскопанных Мэллоуном в 1956 г. Большая часть из них уже опубликована Барбарой Паркер (*Iraq* 19). В новое издание, по плану составителей, войдут еще не опубликованные тексты. Большинство текстов — долговые расписки на так называемых описях о взятии у храма займы зерна. Далее Дж.Н. Постгейт подробнее рассмотрел содержание этих документов в социально-экономическом и юридическом аспекте: личности заемщиков, количество взятого зерна в долг, процент займа, штрафные

санкции за задержку возврата и даты сделок. Кроме того, докладчик кратко рассказал о посвячительных текстах частных лиц и групп людей храму Набу. По мнению докладчика, представленные две группы документов проливают свет на роль храма в обществе в одном из важных городов Ассирии в VII в. до н.э.

Л.Е. Коган (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) озаглавил свой доклад «Этимологический словарь аккадского языка. Первые итоги». В нем были подведены первые итоги работы над проектом «Этимологического словаря аккадского языка», который автор сообщения реализует в сотрудничестве с Манфредом Креберником (Йена) и Михаэлем Штреком (Лейпциг). Первый том словаря, содержащий лексемы на лабиальные согласные (р- и b-), должен выйти в свет в середине 2016 г. На примере нескольких десятков этимологических статей для лексем, начинающихся с р-, Л.Е. Коган разъяснил методологические основы проекта, проанализировал структуру этимологической статьи, продемонстрировал роль и место филологического подхода при этимологическом анализе лексики древнеписьменных семитских языков. В качестве наглядного примера докладчик предложил участникам конференции многостраничный *hand-out*, показывающий некоторые предварительные результаты работы составителей словаря.

С. Ван (Сычуаньский университет, Китай) представил аудитории сообщение «Храмы Месопотамии до образования шумерского „храмового города“». Китайский исследователь напомнил присутствующим о том, что модель «шумерского храмового города (Tempelstadt)» была построена главным образом на основании административных документов из Лагаша Раннединастического периода Шв. В последние десятилетия эта модель подвергалась критике, и И.М. Дьяконов был одним из тех, кто не принял ее. Тем не менее модель «храмового города» продолжает служить своеобразным ярлыком при толковании ранней истории Месопотамии. Наиболее спорным является применение этой модели для периодов до Раннединастического Ш. Для периодов от Позднеурукского до Раннединастического также есть аргументы против этой слишком упрощенной модели. С. Ван ознакомил присутствующих со своим видением роли храмов на региональном уровне с Позднеурукского до первых этапов Раннединастического периода. По его мнению, необходимо рассматривать историческую роль месопотамских храмов как части хозяйственной инфраструктуры, обеспечившей экономический рост на юге Месопотамии в этот период.

В.В. Аврутис (Институт археологии им. Зинмана Хайфского университета, Израиль) зачитал присутствующим доклад «Культурно-торговые связи Египта и Южного Леванта в эпоху ранней бронзы. Взгляд из „Нешер“–Рамле, Израиль». Во вступлении израильский археолог напомнил, что в начале эпохи ранней бронзы (вторая половина IV тыс. до н.э.) на территории Южного Леванта появились первые города. Урбанизация сопровождалась новыми процессами: социальным расслоением общества и формализацией культа, а также акселерацией процессов, начавшихся ранее, в эпоху халколита, — развитием металлургии и профессиональной специализацией. Памятники эпохи богаты материалом египетского происхождения; наличествуют и египетские колонии. В самом Египте также найдены предметы быта южнолевантийского происхождения. Взаимовлияния заметны в развитии гончарного производства и металлургии. В период ранней бронзы II (первая треть III тыс. до н.э.) контакты внезапно прерываются. Очевидно, изменение политической ситуации в обоих регионах влечет за собой изменение экономических приоритетов. Далее В.В. Аврутис рассказал о том, что в течение последних лет на территории карьера бетонного завода «Нешер»–Рамле (Долина Лода) проводятся охранные археологические раскопки (работы ведутся Институтом археологии Хайфского университета, руководители Ш. Коль-

Яков и А. Меламед). Среди прочего в ходе археологических работ был раскрыт обширный некрополь, датированный заключительной фазой ранней бронзы I. Раскопанные погребения содержат широкий спектр находок: глиняные и каменные сосуды, медные и кремневые орудия, украшения из различных материалов, а также множество предметов египетского импорта. Новые уникальные данные, по мнению докладчика, значительно обогащают наши представления о характере связей Южного Леванта и раннединастического Египта.

Ж. Мас (Льежский университет, Бельгия) выступила с докладом «Частное или государственное? Новая гипотеза о реконструкции экономической системы Верхней Месопотамии эпохи бронзы». Бельгийская исследовательница отметила, что нам достаточно хорошо знакомы древние экономические системы Южной и Средней Месопотамии, чего нельзя сказать о Северной. Известно, что домашние хозяйства играли решающую роль в некоторых отраслях экономики, но степень зависимости или независимости хозяйств от государства остается предметом споров. Археологический материал доказывает, что частные мастерские, открытые при частных домах, могли быть очень эффективными и специализированными. Кроме того, эти мастерские могли входить в состав групп мастерских, которые обладали своими административными органами. Вместе с тем известно, что дворец и храмы были важной частью экономической системы. Если государственная администрация в некоторых случаях занималась поставкой сырья и рабочей силы, распределением продуктов, то, вероятно, процесс производства имел место не во дворце. Изучение археологического и письменного материала поможет лучше понять роль и важность государственного и частного секторов в экономической системе ранней месопотамской экономики.

Е.В. Маркина (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) сделала сообщение на тему «Царское присутствие в Гасуре». Е.В. Маркина отметила, что, согласно устоявшемуся мнению, в саргоновский период (2334–2154 гг. до н.э.) Гасур находился в прямом ведении царской администрации. Относительно частое упоминание представителей царской семьи в текстах гасурского архива, считающееся весомым аргументом в пользу такой точки зрения, тоже интерпретируется некоторыми исследователями в рамках гипотезы так называемых «царских путешествий», предположительно предпринимавшихся как минимум двумя последними царями династии Саргонидов (Нарам-Сином и Шаркалишарри) по политически значимым поводам. Докладчица представила анализ всех случаев упоминания царя и его ближайшего окружения (царская семья, высшая бюрократия) и дала оценку их релевантности в рамках гипотез о непосредственном управлении Гасура из центра / «царском путешествии», а также рассмотрела хронологические импликации этих данных.

В.К. Афанасьева (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия) представила доклад «Храм в литературе Шумера». Традиция объединять гимны, восхваляющие величие и красоту храмов, в единый обширный текст отмечена в Шумере с раннего периода возникновения письменности (фрагменты текстов из Абу-Сальяиха периода Фары). Но уникальным и непревзойденным памятником шумерской литературы является текст *é-u₆-ni_g*, составленный дочерью Саргона Энхедуаной, включивший 42 гимна, посвященных храмам северных и южных городов Двуречья. Каждый гимн состоит из двух частей (хвала храму и хвала главному божеству храма), которые условно можно разделить на традиционные и самобытно-оригинальные. В текстах гимнов преобладает большей частью традиционная лексика (в метафорах и эпитетах) в соотношении примерно три к одному, что совпадает с числом рассмотренных автором доклада ранее характеристик главных божеств храмов. Это обстоятельство, по мнению выступавшей, подкрепляет высказанное ранее предположение про-

фессора К. Вильке, что часть гимнов была сочинена самой Энхедуаной. Притом что в эпитетах храма преобладает традиционная образность, она совпадает с рассмотренной выше характеристикой божеств и подтверждает предположение В.К. Афанасьевой, что именно эти гимны были сочинены самой Энхедуаной.

Доклад «К дискуссиям о каноничности шумерской литературы из Ниппура» С.В. Григоришина (Нежинский Государственный университет имени Н.В. Гоголя, Украина) также был посвящен проблемам шумерской литературы. Исследователь рассказал, что клинописные первоисточники ниппурских литературных текстов хранятся в Музее археологии и антропологии Пенсильванского университета, Стамбульском музее Древнего Востока, Стамбульском археологическом музее и в собрании жены профессора Г. Хильпрехта в Йенском университете. Публикации копий клинописных первоисточников были осуществлены Г. Радау, Д. Михрманом, С. Лэнгдонном, Г. Бартоном, Э. Кьерой и С. Крамером. С.В. Григоришин представил две точки зрения ученых: тех, кто отрицал существование «ниппурского канона» (Л. Оппенгейм, В. Лэмберт, М. Сивиль, Н. Вельдхуис), и тех, кто принял идею (сочувственно относился к ней) существования «ниппурского канона» (С. Крамер, Т. Якобсен, У. Хэлло, Дж. Блэк). После краткого обзора аргументации сторон докладчик сделал следующий самостоятельный вывод: понятие «ниппурский канон» является анахронизмом с точки зрения исторического подхода в ассириологии, однако может служить рабочей гипотезой для частичной реконструкции религиозных представлений жреческой элиты города Ниппура Старовавилонского царства около XVIII в. до н.э. Это сужение значимости и статуса ниппурских литературных текстов поможет избежать неправомерных обобщений в отношении широкого и необъятного феномена «шумерской религии».

В.В. Емельянов (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия), представляя свой доклад «Группы изгоев в текстах Гудеа», рассказал, что в надписях энис Гудеа (Лагаш, XXII в. до н.э.) на статуе В и Цилиндре А дважды говорится об удалении определенных категорий граждан перед началом строительства храма бога Нингирсу в Лагаше: lu_2-uzug_3-ga , ni_2-gal_2 , $lu_2-si-gi_4-a$, NITA.UD, $munus-kin-du_{11}-ga$ (St. В III 15–IV 3); $uzug_3-ga$, ni_2-gal_2 , $lu_2-GI.AN$ (Zyl. А XIII 14). Однако с пониманием этих категорий возникают проблемы, некоторые из них до сих пор остаются без перевода. Единственную до сего времени попытку раскрыть некоторые из этих терминов предпринял Х. Беренс в комментарии к изданию текста «Энлиль и Нинлиль». Далее докладчик предложил новые этимологии, чтения и переводы шумерских лексем, а также поставил ряд вопросов о календарной и исторической датировке изгнания нечистых как в шумерских текстах, так и в двуязычных пояснительных текстах, комментирующих шумерские месяцы и праздники.

Р.М. Нуруллин (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия) доклад «К интерпретации топонима Хамран в старовавилонской версии „Эпоса о Гильгамеше“» посвятил топониму Хамран (*Hamrān*) в табличке из коллекции М. Скёйена, содержащей отрывок из старовавилонской версии «Эпоса о Гильгамеше» (OB Schøyen₂ в издании «Эпоса о Гильгамеше» Э. Джорджа 2003 г.). Хамран упоминается в табличке Скёйена как место, где Гильгамеш и Энкиду останавливаются на ночлег во время своего путешествия к кедровому лесу. До сих пор этот топоним не получил какого-либо истолкования. Р.М. Нуруллин предложил возможную идентификацию и локализацию топонима Хамран.

Следующий день заседаний — 14 января был открыт выступлением Н.В. Козыревой (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) на тему «Городское население Южной Месопотамии в начале II тыс. до н.э.». Докладчица сооб-

шила, что клинописные тексты старовавилонского периода из городов Южной Месопотамии содержат косвенную информацию о социальной структуре городского населения. Выделение различных социальных страт в городских обществах и относительная оценка их статуса и материального положения все еще остаются проблематичными. Одним из способов решения этого вопроса является использование, там, где это возможно, как текстуальных, так и археологических данных (Charpin, 2003). Некоторые сведения об административном или профессиональном статусе и семейном имуществе городских элит города Ларсы — называемых в текстах «благородными и великими» (*kabtu u rabū*) — можно найти в документах купли-продажи, судебных протоколах и письмах. Археологические раскопки одного из жилых кварталов города Ларсы (Calvet, 1996) подтверждают эти данные и предоставляют дополнительную информацию о них.

М.А. Редина-Томас (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) представила доклад «Топонимы и земельные планы в средневавилонских документах из Ниппура», посвященный рассмотрению двух документов, вероятно происходящих из средневавилонского Ниппура, — CBS 13885 и CBS 10434. Они представляют собой планы земельных наделов с указанием названий близлежащих поселений и водоемов. Некоторые топонимы из этих документов также встречаются в текстах средневавилонских ниппурских архивов. Документы из этих архивов наряду с текстами стел-кудурру являются важными источниками по топонимике провинции Ниппур и соседних территорий. Названия провинций, поселений, каналов, а также земельных участков в этих текстах упоминаются в связи с деятельностью административно-хозяйственного характера как администраторов среднего звена, так и главного должностного лица Ниппура — *шандабакку*. По мнению автора сообщения, комплексно рассматривая эти документы (как тексты, так и земельные планы), можно составить достаточно точную картину хозяйственно-административной жизни средневавилонского Ниппура.

А.А. Немировский (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия) в посвященном касситам сообщении «Загросское и транс-загросское направление во внешней политике Касситской Вавилонии (XVI–XIII вв. до н.э.)» предложил аудитории следующие тезисы:

1. Ряд источников позволяют судить об устойчивом (транс)загросском направлении экспансии касситской Вавилонии: Агум II прокламирует себя как господина загросского ареала касситов и «всей страны кутиев», Куригальзу II покоряет горные области, смежные с Эламом, и сам Элам «вплоть до Мархаши»; после возможного коллапса этой сферы власти к какому-то моменту правления Назимарутташа (следующего из эпического восхваления его завоевательной кампании в Намри) она была восстановлена и (как видно из перечня стран в одной из надписей Тукульти-Нинурты) включила даже бывшую ассирийскую сферу влияния на Северном Загросе (в бассейне Верхнего Заба).

2. Новоассирийские упоминания Кар-Кашши и (? — или то же) Сильхази, «крепости сынов Вавилона» в центральной Мидии могут отвечать лишь той же бывшей экспансии Касситской Вавилонии и указывают на ее распространение далеко за Загрос и на продолжительность контроля Касситской Вавилонии в этих областях, включающего также основание колоний-крепостей (ср. с западной экспансией Кадашман-Харбе).

3. Новоассирийские упоминания касситского титула *янзи* как имени или части имени у правителей бассейна верхнего Заба (Аллабрия и — учитывая ее локализацию — Хубушкия) указывают на поселение здесь группы касситов или, что вероят-

нее, на наследие прочного и достаточно продолжительного контроля со стороны Касситской Вавилонии в этом районе. Датировать этот контроль можно скорее ранним периодом правления касситской династии в Вавилоне (ср. заявление Агума II о господстве над страной кутиев, учитывая протяженность ареала кутиев в то время до части бассейна Верхнего Заба и смежных с ней с северо-запада областей включительно, о чем говорят среднеассирийские упоминания страны Куту в районе горы Джуди-даг), чем XIII в. до н.э. (учитывая непродолжительность касситской власти здесь в то время).

4. Надпись Агума II (учитывая необходимую реинтерпретацию эпитета *саклату*, прилагаемого в ней к кутиям, и важность, которая придается в ней горному северо-востоку) и эпическая композиция о Куригальзу II (в составе «хроники Р») позволяют считать, что отношение касситской династии Вавилонии и ее придворной культуры к горным «варварам» северо-востока существенно отличалось в лучшую сторону от обычного месопотамского, что можно связывать с происхождением самой этой династии.

Б.Е. Александров (Московский государственный университет, Россия) прочитал доклад «Хеттские эпистолярные тексты из строения А на Бююккале в Богазкёе». В начале сообщения исследователь отметил, что ни для одного из строений хеттской столицы Хаттусы, в которых были обнаружены клинописные тексты, нельзя постулировать функцию специализированного архива царской корреспонденции: эпистолярные документы найдены при раскопках всех построек, включая Большой храм и Дом на склоне в Нижнем городе, строения А, В, D, E и т.д. в царской цитадели на холме Бююккале. Далее Б.Е. Александров предпринял попытку систематизировать данные о письмах из строения А на Бююккале с целью уточнить историю хранившегося там собрания текстов. Среди писем в строении А преобладают документы времени Хаттусилисы III (ок. 1275 — 1245 гг. до н.э.). Они отражают различные аспекты политической деятельности этого царя и его супруги Пудухебы, включая заключение династического союза с Египтом, взаимоотношения с сирийскими вассалами и с царствами Верхней Месопотамии. Очевидно, эти тексты представляли особый историко-политический интерес для последних царей Хатти. При реконструкции цитадели во второй половине XIII в. до н.э. Тудхалия IV переместил наиболее важные письма прошлого царствования в строение А из других собраний, оставив в них на хранение лишь актуальную корреспонденцию.

В.Ю. Шелестин (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия) в докладе «Палеография клинописных текстов из Кищувадны» сообщил, что письменная традиция Кищувадны составляет весьма небольшую часть корпуса текстов, происходящих из архивов Богазкёя, а находки клинописных текстов на территории самой Кищувадны единичны. Вместе с тем значение этих текстов для изучения распространения письменности в Анатолии велико из-за того, что хаттусская писцовая школа фактически не оставила места локальным вариантам письменной традиции в Хеттском царстве. Основные блоки текстов из Кищувадны, выделяющиеся из основного массива богазкёйских документов, — хетто-кищуваднские договоры на аккадском языке (первая половина XV в. до н.э.) и хеттоязычные ритуалы, записанные «как в Арусне» (XIII в. до н.э.). В.Ю. Шелестин провел анализ их палеографических и орфографических характеристик с целью дать ответ на вопрос о возможности континуитета письменной традиции на территории Кищувадны и ее роли в распространении письменности в Малой Азии.

М.Л. Хачикян (Институт востоковедения Национальной академии наук, Ереван, Армения) представила доклад «Был ли язык хурритской надписи из Уркеша эргатив-

ным?», в котором рассказала, что в хурритских текстах из Богазкея, при обычном оформлении актантов переходного глагола эргативным и абсолютным падежами в эргативной конструкции и абсолютным и эссивным/локативным в антипассивной, в некоторых неиндикативных наклонениях при переходных глаголах в субъектно-ориентированной («активной») форме (тематический гласный -i-) оба актанта выступают в немаркированном абсолютном падеже, в то время как в конструкциях с глаголом в инверсивной объектно-ориентированной («пассивной») форме (тематический гласный -o-) объект стоит в абсолютном, а субъект в косвенном падеже на -ž, совпадающем по форме с эргативным падежом. Автор интерпретировала засвидетельствованные в древнейшем известном хурритском тексте из Уркеша юссивные формы переходных глаголов с тематическим гласным -o- как инверсивные («пассивные»), а тот факт, что в этом тексте в предложениях с прямым порядком слов как субъект, так и объект переходного глагола не маркированы и только в производных конструкциях с инверсивным порядком слов и глаголом в «пассивной» форме субъект получает падежный показатель -ž, позволяет, по мнению М.Л. Хачикян, предположить, что язык уркешской надписи отражает доэргативную стадию языка, для которой была характерна падежная неоформленность обоих актантов.

А.В. Сафронов (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия) в сообщении «Миграции конца позднебронзового века в Эгеиде и Восточном Средиземноморье в исследованиях И.М. Дьяконова и современное состояние изучения темы» напомнил, что в вышедшей почти полвека назад монографии И.М. Дьяконова «Предыстория армянского народа» автор, помимо прочего, впервые в отечественной историографии затронул широкий спектр вопросов, связанных с этнополитическими процессами XIII–XII вв. до н.э. в Западной Анатолии, Восточном Средиземноморье и с миграциями «народов моря». А.В. Сафронов сопоставил выводы И.М. Дьяконова с современным состоянием изучения проблемы по следующим пунктам: 1) идентификация египетских этнонимов «народов моря»; 2) проблема датировки «Анналов» Тудхалии и экспансия хеттов на запад Малой Азии во второй половине XIII в. до н.э.; 3) локализация страны Аххиявы; 4) роль фрако-фригийцев в разрушении Хаттусы; 5) проблема историчности Троянской войны.

И.Н. Медведская (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) представила доклад по археологии «Урарты в приурмийском районе (Иран)». И.Н. Медведская отметила, что, согласно письменным источникам, урарты завоевали западное и юго-западное побережье Урмии в конце IX в. до н.э. и были изгнаны отсюда в 714 г. до н.э. ассирийским царем Саргоном. Археологическим свидетельством уничтожения урартского плацдарма можно считать разрушение в 714 г. до н.э. Хасанлу IVB (IX–VIII вв. до н.э.). В ходе доклада И.Н. Медведская рассмотрела керамику из приурмийских памятников, которая помимо приведенных автором ранее данных доказывает существование города в VIII в. до н.э. и позволяет уточнить восточные границы Урартского царства в VIII–VII вв. до н.э. По мнению археологов, поход Саргона мало что изменил в отношении урартских владений в приурмийском районе, так как повсюду «находится урартская керамика VII в. до н.э.». Однако здесь преобладает местная керамика, многие типы которой существовали в до-урартский период; другие виды керамики (аски, миски с омфалами, сосуды с выступами на дне) были распространены на всем древнем Востоке и в VIII в. до н.э. могли попасть в приурмийский район независимо от урартов; и главное, в VII в. до н.э. здесь нет стандартной урартской керамики, использовавшейся для хранения и раздачи провианта в урартских гарнизонах (пифосов, кувшинов для вина, курильниц, светильников), нет сигарообразных сосудов для изготовления пива. Таким образом, сделала вы-

вод И.Н. Медведская, керамика не подтверждает присутствие в VII в. до н.э. в приурмийском районе носителей урартской керамической традиции. Урартов не могло быть там, где всё было уничтожено Саргоном в 714 г. до н.э., ассирийцы не совершали больше сюда походов; в противном случае, политическая история этого района в VII в. до н. э. развивалась бы иначе.

С.Ф. Адалы (Университет Билкент, Анкара, Турция) рассказал о месте и роли скифов в регионе в докладе «Скифское государство на древнем Ближнем Востоке в VII в. до н.э.». Турецкий исследователь проанализировал военные и политические цели скифского государства, чье существование подтверждается клинописными текстами ассирийского царства во время правления Асархадонна (681–669 гг. до н.э.). Также им были представлены мотивации ассирийского царства и их соседей: страны Табал (Каппадокия), Урарту, Мидии, киммерийцев. Автор предложил по-новому взглянуть на политические и военные события в части роли скифов на Ближнем Востоке в VII в. до н.э., включая представления о скифской гегемонии в регионе, которая отмечена у Геродота, но не подтверждается синхронными месопотамскими источниками.

В завершение второго рабочего дня конференции режиссер А.И. Янковский (Фонд «Александр», Санкт-Петербург, Россия) показал участникам и гостям форума документальный фильм «Киркенесская этика. Игорь Михайлович Дьяконов» — рассказ о жизни, научной и организаторской деятельности, думах и чаяниях ученого, педагога, мыслителя. Трагические кадры времен Второй мировой войны, участником которой был капитан Дьяконов, показанные на фоне вечных истин Экклесиаста в переводе И.М. Дьяконова, произвели незабываемое впечатление на всех присутствовавших в кинозале. А один день и вся жизнь мастера, увиденные глазами талантливого и любящего своего героя режиссера, показали, что Игорь Михайлович до конца оставался преданным принципу всей своей жизни — «не умножать мирового зла».

Заключительный день заседаний прошел в Зеленом зале Института восточных рукописей РАН и был открыт выступлением Н.А. Май (Свободный университет, Берлин, Германия) «Ученый и политика: колофоны Набу-зукуп-кену и идеология Саргона II». Н.А. Май отметила, что правление Саргона II стало для Ассирии началом больших перемен с самого момента его восхождения на престол. Никто из его предшественников или потомков не осмеливался на столь радикальные изменения. Саргон реформировал не только политические и административные структуры, но и работу писцов. Преобразованиями системы работы с текстами занимались самые высокопоставленные писцы империи, в том числе и выдающийся ассирийский ученый Набу-зукуп-кену. Реорганизация касалась не только делопроизводства, которое необычайно хорошо документировано в период правления Саргона II, но и царских надписей. Помимо практических целей реформа ведения административных записей и производства царских надписей имела идеологическую подоплеку. Введение двойных и тройных датировочных формул в колофонах документов, научных текстов и ритуалов времени Саргона II создавало определенный политический климат. Появление в Ассирии южномесопотамской традиции датировок по году правления царя параллельно с традиционной ассирийской датировкой по эпонимам было одним из проявлений централизации власти. Те, кто использовал эти чуждые Ассирии датировочные формулы, принадлежали к писцовой элите империи. По мнению докладчицы, исследование колофонов Набу-зукуп-кену и его круга доказывает непосредственное влияние этого ученого на идеологию империи.

О.В. Попова (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Франция) представила доклад «Земельные владения царской семьи в нововавилонский период». Нововави-

лонская царская династия происходит, по всей вероятности, из Урука. Несмотря на то что семья обустроивается в Вавилоне, на протяжении всего периода она сохраняет тесную связь с югом империи. Дочери Навуходоносора II принимают активное участие в жизни храма Эанна в Уруке, его зять Нергал-шар-уцур (Нериглиссар) имеет земельные владения на юге, а дочь Набонида становится верховной жрицей храма Экишнугаль в Уре. Стоит ли рассматривать это просто как способ сохранить связь с местом происхождения или предоставление земельных владений членам царской семьи по всей территории Вавилонии — это продуманная политика нововавилонской династии, нашедшая продолжение в период Ахеменидов? О.В. Попова предложила свое видение указанной проблемы.

Н.О. Чехович (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) предложила присутствующим сообщение «О походе Набонида в Тейму». До сих пор остается не проясненной хронология похода вавилонского царя Набонида в арабийский город Тейму. Неясным остается также время, когда Набонидом был восстановлен храм бога Луны в Харране. Хроника Набонида повреждена, как и ряд пассажей в Харранской стеле. Поход в Тейму, где Набонид оставался около 10 лет, не возвращаясь в Вавилон, датируется исследователями приблизительно, «между 3-м и 6-м годами» (правления) (М.А. Дандамаев). Появляются новые материалы и новые интерпретации, позволяющие представить себе маршрут похода в Тейму и, возможно, уточнить его причины и хронологию. Подтвердилось предположение, что Набонид шел через Заиорданье прямо в Аравию, преодолевая сопротивление там, где оно оказывалось (крепость Села с вновь обнаруженным барельефом). Причины похода учеными объяснялись по-разному; неоспоримо стремление Набонида контролировать торговые пути: через Аравию поступали пряности (лучшая корица шла через перевалочные базы с о-ва Цейлон). В связи с этим особое внимание следует уделить болезни Набонида, упоминаемой во многих источниках. Видимо, она была серьезной, раз об этом сочли нужным написать в хронике правления. Возможно, именно с болезнью связано стремление царя в Аравию. Известно, что цейлонская корица помогает, например, инсулинозависимым больным диабетом. О том, что Набонид придерживался какой-то необычной диеты, имеются сведения в ряде источников. Вероятно, с болезнью связан и тот факт, что Набонид не возвращался в Вавилон. Впрочем, он мог, не входя в Вавилон, участвовать в упоминаемом хроникой вторичном оплакивании своей матери. С походом в Тейму, возможно, связан уникальный документ, сохранившийся в двух экземплярах, с важными различиями. Один, из Британского музея, опубликован К. Клебер в 2008 г., другой хранится в Эрмитаже. Речь в нем идет о замене погибших стрелков из лука — служителей храма Эанна, причем оплачивать содержание новобранцев должны были, видимо, представители двух сотрудничавших храмов: Эбаббара (Сиппар) и Эанны (Урук). Документ датирован летом 5-го года Набонида. В конце этого года царь, видимо, уже в Тейме — другой документ фиксирует посылку гонцов туда. Вероятно, болезнь царя продолжалась и была хронической: в Харранской стеле Х. Шаудиг выявил цитату из вавилонской «Поэмы о невинном страдальце» именно о болезни. Итеративная форма глагола *alāku* в Харранской стеле может быть понята как «ходил взад-вперед» — вероятно, между Теймой и Харраном, где шло восстановление храма бога Луны, бывшее делом жизни для Набонида. Драгоценные камни и золото, необходимые храмам, также были импортным товаром, шедшим через Аравию.

А.В. Немировская (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) выступила с докладом «Ханаанский консонантизм в свете происхождения западно-семитского алфавита». По одной из гипотез, прототипом графем финикийского алфа-

вита были скорописные знаки «египетского силлабического письма», с помощью которого египтяне приспособились записывать иноязычные слова, в том числе ханаанского происхождения. Эта практика («новая орфография») получила широкое применение в египетских документах начиная с XV в. до н.э. как следствие масштабных египетских завоеваний в Передней Азии в эпоху 18-й династии. Совокупность исторических и филологических соображений указывает на то, что ханаанское консонантное письмо появилось в результате адаптации египетской новоорфографической практики левантийскими писцами, опиравшимися на египетскую писцовую выучку. В семитологии общепринятым является представление о том, что 22 графемы ханаанского алфавита адекватно отражают реальный консонантный состав ханаанских языков I тыс. до н.э. (финикийского и древнееврейского). Подоплекой этого представления является убеждение в том, что алфавитное письмо было изобретено самими носителями ханаанских языков и, соответственно, будто бы должно было адекватно отражать фонологию этих языков. О том, что это не так, свидетельствует прежде всего наличие двух- и трехфункциональных консонантных графем. Чужеродное происхождение консонантного алфавита объясняет его специфику, заключающуюся в изначальной неадекватности передачи звукового строя семитских языков, которые он был призван обслуживать.

С.А. Французов (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) в своем докладе «Наследницы в Эмаре и древнем Йемене: к вопросу об эмаритском влиянии на южноаравийскую цивилизацию» затронул проблему формирования самобытной высокоразвитой культуры и собственной государственности на юго-западе Аравии на рубеже II–I тыс. до н.э., которая пока еще далека от разрешения. Докладчик отметил, что наличие у нее сиро-палестинских корней сомнений не вызывает. Несколько десятилетий назад была высказана гипотеза о том, что истоки древней йеменской цивилизации следует искать в городе-государстве Эмар на Евфрате. Для ее подтверждения приводились не только лингвистические аргументы, но и лексические параллели. Однако насколько эмаритское общество было типологически схоже с древнейеменским? Недавно опубликованная подборка эмаритских юридических текстов, связанных с наследственным правом, показывает, что женщина в Эмаре, как и в Древней Месопотамии в целом, при отсутствии наследников-мужчин могла получить наследство, только обретя формальный статус старшего мужского родственника в семье. В этом отчетливо проявляется патриархальный характер общества в этом городе-государстве. В то же время в древней Южной Аравии отмечены такие явления, как матрилейность и матрилокальность; кроме того, местные женщины обладали влиянием в социально-экономической сфере. С.А. Французов привел два эпиграфических примера, которые, по его мнению, подтверждают, что наследование в древнейеменском обществе могло происходить по материнской линии, и в этом отношении оно кардинально отличалось от эмаритского.

М.М. Юнусов (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия) представил сообщение «Коллекция пунических стел Государственного Эрмитажа: состав и происхождение». Докладчик рассказал о результатах своей предварительной работы с этой коллекцией Эрмитажа, которая насчитывает 34 финикийские стелы, относящиеся к последним векам до нашей эры. Условно они определяются по месту нахождения: карфагенские и гадруметские (совр. г. Сус в Тунисе). За исключением двух стел с изображением животных, все они посвящены традиционным пуническим богам Баал Хаммону и Танит частными лицами. В основе этой коллекции лежит личное собрание Юлия Эйтинга, немецкого ориенталиста и неумолимого путешественника, впервые опубликовавшего эти и ряд других стел в Санкт-Петербурге в 1871 г.

Еще при жизни Ю. Эйтинг передал эти стелы в дар российскому Азиатскому музею. В начале XX в. стелы хранились в Институте истории РАН. В 1938 г. все стелы, а также значительное количество других восточных памятников были переданы на хранение в Отдел Древнего Востока Государственного Эрмитажа.

А.И. Янковский прочел доклад «Очарование Уммы», в котором рассказал о причинах, многие десятилетия привлекавших грабителей к этой важнейшей группе шумерских памятников на юге Ирака. В числе этих причин — близкое к геноциду осуществление болот режимом Саддама Хуссейна, разрушение экономических механизмов в результате американского вторжения 2003 г. и наступившего за ним хаоса; расположение памятников вдали от населенных пунктов; но и необыкновенная продуктивность шумерской администрации III династии Ура, создавшей в этих поселениях десятки тысяч клинописных документов, весьма привлекательных и удобных для торговли на черном рынке антиквариата. Докладчик поведал о драматичных усилиях, предпринятых иракскими археологами и помогавшими им американцами, в их неравной борьбе по обороне области Уммы от грабителей. Благодаря удачному стечению ряда обстоятельств, накануне американского вторжения там удалось провести четыре сезона охранных раскопок, из материалов которых, в частности, может следовать необходимость изменить принятое отождествление главного досаргоновского поселения этой области с Теллем Джоха (Уммой III династии Ура). Главным населенным пунктом раннединастического времени оказывается соседний с теллем Джоха Умм аль-Акариб.

Все сообщения докладчиков были приняты аудиторией с большим вниманием и интересом, а некоторые темы даже вызвали бурные дискуссии, получившие свое продолжение в кулуарах конференции. Все участники и гости форума неизменно отмечали замечательную организационную работу совместного Оргкомитета Государственного Эрмитажа и ИВР РАН, а также культурную программу, предложенную гостям нашего города. Как заметила в заключительном слове В.К. Афанасьева, ученица и младшая коллега И.М. Дьяконова, атмосфера конференции полностью наполнила атмосферу и дух общения, которые всегда сопровождали подобные мероприятия в присутствии Игоря Михайловича: «У меня было такое ощущение, что Игорь Михайлович и не ушел от нас. Все это время он был с нами».

С.Х. Шомахмадов

X Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Санкт-Петербург, 11 февраля 2015 г.

11 февраля 2015 г. в ИВР РАН состоялось X заседание Открытого теоретического семинара сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии, которое было посвящено юбилейной дате — 75-летию со дня рождения д.филол.н., проф. Валерия Исаевича Рудого (1940–2009), выдающегося ученого-индианиста, внесшего огромный вклад в возрождение санкт-петербургской буддологической школы. Заседание проводилось в режиме научной конференции по вопросам изучения письменного наследия традиционных религиозных идеологий Индии и истории буддологии как отрасли классического востоковедения.

Мне как одному из учеников В.И. Рудого была предоставлена возможность открыть это мероприятие вводным словом об учителе. Мое выступление посвящалось обзору научной и научно-педагогической деятельности В.И. Рудого, отдавшего работе в Институте более 40 лет жизни, а также характеристике буддологических трудов его учеников — Е.П. Островской, Т.В. Ермаковой, А.А. Базарова, П.Д. Ленкова, Е.Ю. Харьковской, Е.А. Островской. Отмечалось, что В.И. Рудой, еще будучи аспирантом, приступил первым в мировой науке к решению труднейшей научно-исследовательской задачи — выполнению комментированного перевода с санскрита фундаментального памятника буддийской философской мысли «Абхидхармакоша» («Энциклопедия Абхидхармы») Васубандху (IV–V вв.). Валерий Исаевич был умелым организатором коллективных буддологических исследований, результатом которых явились публикации монографий «Буддийский взгляд на мир» (1994), «Введение в буддизм» (1999), «Классическая буддийская философия» (1999). Коллеги и ученики Валерия Исаевича хранят светлую память о нем и продолжают развивать его идеи в своих работах.

В ходе заседания были заслушаны пять докладов, сопровождавшихся оживленным обсуждением. Буддологическая проблематика освещалась в докладах руководителя семинара, д.филол.н. Е.П. Островской, к.и.н. С.Х. Шомахмадова, к.филол.н. Т.В. Ермаковой. Индуистская традиция рассматривалась в докладах д.филол.н. С.Л. Бурмистрова и к.ф.н. В.П. Иванова.

Доклад Е.П. Островской «Новое в изучении „Абхидхармакоши“ Васубандху» был направлен на ознакомление коллег с инновационными подходами, сложившимися в зарубежной науке применительно к исследованию текстов, входящих в состав «Абхидхармакоши», — стихотворного трактата «Абхидхармакоша-карика» и прозаического комментария к нему «Абхидхармакоша-бхашья». Большое внимание было уделено работам Роберта Критцера, глубокого знатока санскритских произведений круга постканонической Абхидхармы. Е.П. Островская подробно охарактеризовала выявленные Р. Критцером текстуальные и смысловые связи «Абхидхармакоша-бхашья» с произведением Асанги (IV в.), родоначальника махаянской школы

йогачара, «Йогачарабхуми». В связи с проблемой определения философской позиции Васубандху в докладе были раскрыты новые представления о школах *вайбхашика* и *саутрантика* и охарактеризовано современное состояние научной дискуссии о «теории двух Васубандху», выдвинутой в середине XX в. Э. Фраувальнером.

В докладе С.Х. Шомахмадова «Тексты цикла Пяти защит (*Панчаракши*) в рукописных фондах мировых востоковедных центров» рассматривались манускрипты, отложившиеся в университетских древлехранилищах Лондона, Кембриджа, Оксфорда, в собраниях Музея Калькутты и Института восточных рукописей РАН. Отмечалось, что тексты цикла *Панчаракши* связаны с популярным буддийским культом «пяти заступниц»: Махапратисары, дарующей долголетие; Махасахасра-прамардини, тысячерукой гневной богини; Махамаюри, спасающей от смертоносных укусов ядовитых змей; Махашитавати, оберегающей от нападения хищных зверей и от жизненных превратностей; Махамантра-анусарини, исцеляющей недуги. В университетских древлехранилищах Лондона и Кембриджа, как показало обследование, имеются соответственно шесть и 14 списков *Панчаракши*. Большая их часть датируется XIV–XVIII вв., и лишь некоторые относятся к периоду XII–XIII вв. Многие из них происходят из Непала. Рукописи выполнены письменами *ранджана*, *непала-акшара*, *пала*. Это свидетельствует о поздней традиции бытования культа «пяти заступниц» в данном этнокультурном регионе, если учитывать, что тексты цикла *Панчаракши* распространялись в Тибете еще в начале IX в. В библиотеке Оксфорда отложилась знаменитая «рукопись Бауэра», содержащая трактат по древнеиндийской медицине, который включает фрагмент, посвященный культу Махамаюри. Манускрипт, датируемый IV–VI вв., выполнен на бересте письмом позднее *брахми*. В собрании Музея Калькутты отложилась непальская рукопись *Панчаракши*, относящаяся к XIX в.

Что касается отечественных коллекций, то в Сериндийском фонде ИВР РАН хранятся центральноазиатские рукописи и тангутские ксилографы, содержащие тексты «Пяти защит». Манускрипты, происходящие из оазисов Восточного Туркестана, датируются VI–VIII вв. и свидетельствуют о наиболее раннем этапе проникновения культа «пяти заступниц» на территорию Великого шелкового пути. А тангутские ксилографы, относящиеся к началу XIII в., позволяют проследить особенности адаптации этого культа в религиозной идеологии государства Си Ся.

В докладе Т.В. Ермаковой «Организационные рамки путешествий Г.Ц. Цыбикова и Б.Б. Барадийна в Тибет» рассматривались два крупных экспедиционных проекта, существенно пополнившие буддийские коллекции Азиатского музея. Было показано, что экспедиция Г.Ц. Цыбикова, состоявшаяся в 1899–1902 гг., курировалась и полностью финансировалась Русским географическим обществом — единственной на тот период научной организацией, координировавшей полевые востоковедные исследования на территории Российской империи и за ее пределами. Т.В. Ермакова отметила роль академика В.П. Васильева и А.М. Позднева в концептуализации фиктивного образа «буддист-паломник», необходимого для беспрепятственного проникновения Г.Ц. Цыбикова в Тибет, официально закрытый в то время для иностранных ученых. Научная программа этой экспедиции — обследование крупных монастырей Тибета как центров хранения буддийских рукописей и старопечатных изданий — была сформулирована акад. С.Ф. Ольденбургом. В развитие этой темы в докладе подробно рассматривались его научные труды, тематически связанные с задачами экспедиционного изучения Тибета как крупного буддийского историко-культурного региона. Так, С.Ф. Ольденбург пристально следил за текущими зарубежными публикациями о путешествиях в Тибет, формулируя экспертные оценки экспедиционных дневников путешественников в аспекте надежности полученных сведений. Связи России с Ти-

бетом С.Ф. Ольденбург считал устойчивыми, имея в виду давние традиции паломничества российских буддистов — бурят и калмыков — в Страну снегов и немалые доходы казны тибетской теократии от паломнических посещений.

В докладе подчеркивалось, что проектированию следующей экспедиции — поездки Б.Б. Барадийна в Тибет в 1906–1908 гг. — предшествовала серьезная научная работа. Эта экспедиция курировалась новосозданной организацией — Русским комитетом для исследования Средней и Восточной Азии (РКИСВА), являвшимся головным отделом Международного комитета, который занимался координированием экспедиций в Центрально-Азиатский регион. Новые организационные рамки планирования полевых востоковедных исследований, отметила Т.В. Ермакова, позволили объединить научные усилия российских и зарубежных ученых, чему во многом способствовала деятельность С.Ф. Ольденбурга.

Доклад С.Л. Бурмистрова «Гимнография Шанкары» был посвящен аналитическому обзору малоизученной части письменного наследия основоположника влиятельнейшей индуистской религиозно-философской школы *адвайта-веданта*. Гимнография Шанкары, отметил докладчик, до сих пор остается вне фокуса исследовательского внимания отечественных и зарубежных ученых-индологов. Между тем обширный массив ведантистских гимнов является важной группой письменных источников в исследовании религиозно-идеологических доминант *адвайта-веданты*.

В докладе рассматривались манускрипты, содержащие ведантистские гимны, которые приписываются Шанкаре, — неопубликованные раритеты из состава индийского собрания рукописей ИВР РАН. С.Л. Бурмистров отметил, что характерные для этих произведений стихотворные размеры не встречаются в архаичных гимнах Риг-веды. В аспекте стихосложения ведантистская гимнография представляет собой литературное явление, типологически сходное с поэзией Бхарттрихари — представителя индийской грамматической традиции, теоретические воззрения которого оказали определенное влияние на становление *адвайта-веданты*.

С.Л. Бурмистров подчеркнул также важную особенность гимнов Шанкары: в них прославляются не только центральные персонажи индуистского пантеона, но и второстепенные божества, популярные в отдельных этнокультурных районах Индостана, например в Махараштре.

Намечая перспективы исследования гимнографии Шанкары по рукописям, отложившимся в индийском собрании ИВР РАН, докладчик указал, что далеко не все содержащиеся в них произведения принадлежат одному и тому же автору, хотя и помечены именем Шанкары. Из этого проистекает необходимость определения тех произведений, которые с большей вероятностью можно отнести к авторству основоположника *адвайта-веданты*. Столь сложная задача может быть решена лишь на основе междисциплинарного подхода, учитывающего литературоведческий и источниковедческий аспекты изучения данных памятников.

Доклад В.П. Иванова «Абхинавагупта и его роль в истории шиваитских учений Кашмира» был посвящен характеристике религиозно-идеологического движения, обобщенно именуемого в научной литературе «кашмирским шиваизмом», и анализу вклада Абхинавагупты (X–XI вв.) в его становление. Это движение, как отметил докладчик, известно в культуре средневековой Индии под несколькими аутентичными санскритскими названиями: *кашмира-сампрадая*, т.е. линия преемственности учителей Кашмира; *трика*, т.е. традиция почитания трех аспектов божественного начала; *пара-адвайта*, т.е. доктрина, базирующаяся в своих философских посылах на представлении об абсолютной недвойственности истинно сущего. Абхинавагупта в философском творчестве и религиозной практике предстает ключевой персоналией данно-

го движения, являющегося по своей сути монистическим тантрическим шиваизмом. Он выступал собирателем и систематизатором традиции, интерпретатором сложнейших религиозно-философских учений (*пратьябхиджня, трика, крама*), составителем трактатов, предназначенных для подготовки высокообразованных последователей (например, «Пратьябхиджня-хридая», «Тантрасара»). Абхинавагупте приписываются 35 произведений, оказавших значительное влияние на развитие индуистских религиозно-философских систем в период среднего средневековья.

Наряду с этим, подчеркнул В.П. Иванов, Абхинавагупта был известен как прославленный йогин, достигший в своей практике высоких степеней духовного совершенства. Так, комментатор Джаяратха сообщает, что Абхинавагупте были свойственны незыблемая преданность Рудре-Шиве как высшему началу, успешная завершенность в действиях, осведомленность во всех науках и прочие замечательные достоинства, включая искусственность в поэзии.

В докладе было уделено внимание и культуротворческой деятельности Абхинавагупты как энциклопедически образованного ученого и блистательного литератора, способствовавшего развитию традиционной эстетики и театрального искусства Индии.

В завершении заседания было принято решение изменить название Открытого теоретического семинара сектора Южной Азии, и ныне он именуется «Семинар по изучению традиционных религиозных идеологий Южной Азии».

Ю.А. Иоаннесян

Иранистическая конференция «Философия, религия, история и культура Ирана»

Санкт-Петербург, 18 февраля 2015 г.

18 февраля 2015 г. в ИВР РАН прошла иранистическая конференция «Философия, религия, история и культура Ирана», посвященная памяти выдающегося отечественного ираниста, заведующего сектором Среднего Востока нашего Института на протяжении десятилетий Олега Федоровича Акимушкина (17.02.1929 — 31.10.2010).

Выпускник кафедры иранской филологии ЛГУ (1953); с декабря 1953 г. сотрудник СПбФ ИВ РАН; к.ф.н. (1970); зав. сектором Среднего Востока (1971); профессор Киргизского госуниверситета (1992); с 1976 г. подготовил девять кандидатов исторических и филологических наук; опубликовал более 240 работ по различным вопросам истории, истории культуры, филологии Ирана; преподаватель-доцент Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ (с 1966 г.); с 1980 г. читал курс лекций на Восточном факультете СПбГУ «Введение в мусульманский мистицизм», «Мусульманская рукопись. Текстология и кодикология» и ряд спецкурсов. О.Ф. Акимушкин ушел из жизни в 2010 г., а 17 февраля 2015 г. ему исполнилось бы 86 лет.

Тематика докладов конференции отражала широчайший спектр научных интересов О.Ф. Акимушкина. Хотя формально конференция не была международной, в ней принял участие с докладом гость из Великобритании (Институт исмаилитских исследований) Я. Эшотс. Кроме него в конференции приняли участие сотрудники ИВР РАН, СПбГУ, а также бывшие сотрудники нашего Института, хорошо знавшие О.Ф. Акимушкина. Было прочитано 11 докладов (один докладчик — И.К. Павлова не смогла присутствовать из-за болезни). Конференция проходила с использованием современных технических средств. Организовывал и вел конференцию с.н.с. Ю.А. Иоаннесян.

Конференцию открыла старейший сотрудник Института и сектора Среднего Востока, находящаяся в настоящее время на пенсии, д.и.н. О.П. Щеглова. В докладе «О.Ф. Акимушкин — востоковед и иранист» Олимпиада Павловна остановилась на вехах трудовой деятельности и биографии Олега Федоровича. Она рассказала, с чего начинал выдающийся иранист-энциклопедист свою карьеру в Институте, осветила главные направления его деятельности как исследователя и педагога, вырастившего плеяду учеников, подчеркнув в завершение, что в последние годы, когда Олег Федорович тяжело болел, он не был забыт своими друзьями, коллегами и учениками.

Я. Эшотс в докладе «О.Ф. Акимушкин как исследователь сефевидского Ирана» (на русском языке) отметил, что О.Ф. Акимушкин определял изучение рукописей (*нусхаишинаси*) как основную область своих научных интересов. Поэтому закономерно, что, обладая глубокими познаниями в области истории, литературы и искусства сефевидского Ирана, в своих трудах он рассматривал его преимущественно через призму рукописной культуры. Основательность познаний О.Ф. Акимушкина в истории сефевидского Ирана, его государственного устройства и научно-культурной жизни особенно убедительно раскрывается в его примечаниях к русскому переводу

трактата Куми. Его эрудиция в этой области нисколько не уступает познаниям самых выдающихся знатоков сефевидского Ирана как в самом Иране, так и за его пределами.

О.М. Чунакова в докладе «Шелковый фрагмент из Туюк-Мазара» отметила, что среди материалов Центральноазиатского фонда ИВР РАН под шифром SI 3740 хранится фрагмент из шелкового полотна, размером 13,5×25 см, сшитый из двух узких полос. На его лицевой стороне видны следы написанных черной тушью 40 смытых строк, содержащих нечитаемые мелкие знаки, напоминающие буквы манихейского письма. Несмотря на то что этот документ не может быть прочитан, его внешний вид позволяет сделать некоторые предположения относительно его назначения. Шелковое полотно, первоначально изготовленное и использованное для манихейского письма, позже в буддийской среде было подбито шелковой подкладкой и использовано в качестве обложки для рукописи-гармоники. Особенности обложки позволяют предположить, что эта буддийская рукопись была написана на китайском или древнеуйгурском языке.

З.А. Юсупова начала доклад «Роль Азиатского музея в развитии отечественного курдоведения» с воспоминаний о тех годах, когда Олег Федорович возглавлял группу курдоведения, успешно совмещая эту обязанность с руководством Иранским сектором. Он принимал активное участие в научной работе курдоведов — писал отзывы, редактировал работы, всячески содействовал их публикации. Докладчица с благодарностью вспоминает о сотрудничестве с этим крупным ученым и прекрасным организатором. В другой части доклада, посвященной Азиатскому музею (учрежденному в 1818 г.), Зарэ Алиевна показала, как велика была роль этого академического центра Востока в зарождении отечественного курдоведения. Развитие русского курдоведения в Азиатском музее тесно связано с именами Б.А. Дорна, А.Д. Френа, А.А. Фреймана, Н. Лерха, А. Жабана, Н.Я. Марра и И.А. Орбели. Курдоведение включало три направления: собирание рукописей и запись текстов, исследования и публикация трудов, подготовка курдоведческих кадров.

М.С. Пелевин (СПбГУ) в докладе «Сведения о биографии Хушхал-хана Хатака в „Хатакской хронике“ (текстологический аспект)» представил текстологический анализ фрагментов, входящих в хроникальную часть историографического сочинения на языке пашто «Тарих-и мурасса» («Инкрустированная история»; закончено в 1724 г.) и содержащих сведения о биографии афганского классического поэта и племенного вождя Хушхал-хана Хатака (1613–1689). Источником исследования является уникальное литографское издание сочинения 1974 г. (Д.М. Камил, Пешавар). Издание содержит элементы критики текста, но в целом представляет собой воспроизведение одной из полных рукописей сочинения середины XIX в. Исследование текста избранных фрагментов показывает, что он сохранился в крайне неудовлетворительном состоянии — с большими лакунами, сбоями в логической и временной последовательности изложения, неточным или ошибочным разграничением тематических фрагментов, рядом интерполяций. Есть основание полагать, что фактически до нас дошел промежуточный черновой вариант авторского текста, впоследствии испытанный, вероятно, и какую-то внешнюю правку. В докладе перечислены источники, лежащие в основе фрагментов с биографическими сведениями о Хушхал-хане, показана композиционная структура этих фрагментов, отмечены наиболее важные факты, свидетельствующие о том, что «Хатакская хроника» в «Тарих-и мурасса» является ключевым, но по-прежнему малоизученным памятником афганской историографической прозы позднего средневековья.

Известная петербургская журналистка, выпускница Восточного факультета СПбГУ М. Баконина в выступлении «Один в поле воин: О.Ф. Акимускин и пресса» отметила

выдающийся вклад О.Ф. Акимушкина в расследование уголовного дела, связанного с похищением в 90-х годах ценных книг из РНБ, получившего название «дело Якубовского». Докладчица привела фразу Олега Федоровича о том, что, по его мнению, востоковедение должно иметь и практическое применение. Выступление сопровождалось показом слайдов.

А.И. Колесников в докладе «Уникальная арабо-сасанидская монета из Мерва» предложил исправление чтения атрибуционных легенд на уникальной драхме, чеканенной в Мерве в 78 г.х. (697–698 гг. н.э.) от имени арабского наместника Мухаллаба б. Аби Суфры. Персидский текст статьи с фотографиями монеты, первоначальным чтением легенд и предварительными выводами был получен по электронной почте от ее автора, иранского нумизмата Амина Амани с просьбой высказать свои соображения, что и получило отражение в докладе.

Е.И. Васильева в докладе «Курдский округ Зохаб на турецко-персидской границе» остановилась на том, что Зохаб расположен в Юго-Восточном Курдистане на большом караванном пути: Багдад–Ханекин–Касри–Ширин–Керманшах. Приграничным округом он стал в результате Зохабского договора, заключенного между Османской Турцией и сефевидским Ираном. Курды и курдские территории были разделены границей в соответствии с этим договором. Спор из-за Зохаба, переходившего из рук в руки, продолжался до 1914 г. В результате округ поделили на две части: горная отошла к Персии, равнинная — к Турции, но демаркационная линия оставалась неопределенной. Племена игнорировали эту границу и зимовали в равнинной части, а летом перекочевывали в горную. Такое положение вещей сохранялось до 1914 г., времени работы последней комиссии по разграничению территорий Турции и Ирана.

А.А. Хисматулин в докладе «Процедура назначения на должность при дворе Салджукидов» говорил о том, что опубликованные источники эпохи правления Великих Салджуков и их анатолийских преемников (XI–XIII вв.) дают вполне стройное представление о том, как происходило назначение на высшие государственные должности при султанском дворе. Эта процедура мало чем отличалась от принятой в наши дни и состояла из нескольких последовательных шагов, которые на заключительном этапе сопровождались выпуском ряда документов, нередко обозначавшихся общим термином *фирман* («царский указ»):

1. Предварительная устная договоренность о назначении на должность конкретного чиновника, с использованием наследственных (или коррупционных) связей.

2. Подготовка вовлеченным министерством списка должностных обязанностей, рассчитанных на конкретного чиновника. Название документа — *машрух* («описание»). В досельджукскую эпоху Газнавидов аналогичный документ — *муваза'ат* («соглашение»).

3. Оглашение назначения чиновника на должность, составленное от имени султана на основе утвержденного министерством *машруха* и предназначенное для ознакомления и исполнения всем вовлеченным сторонам. Название документа — *маншуур* («приказ»).

4. Выдача документа о назначении на руки назначенному чиновнику. Название документа — *мисал* («рескрипт»).

И.Р. Каткова в докладе «Следы персидского космополитизма в индонезийском исламе» отметила, что научная полемика о влиянии персидской культуры на исламизацию Малайского архипелага и малайскую культуру наряду с арабской, индийской и китайской ведется давно. Но сегодня появилась новая тенденция, связанная с проблемой распространения научных знаний, а именно знаний о человеке, о врачевании и астрологии вследствие миграции культурной элиты из Средней Азии в XIII–

XIV вв. Персидский язык в XIV–XV вв. стал космополитическим языком ислама, соединившим государства Малайского архипелага с остальным исламским миром. Вместе с доктринами мистического ислама таких деятелей суфизма, как Наджм ад-Дин ал-Кубра (1145–1221), переселенцы из Средней Азии принесли на острова практику врачевания. Многие исследователи считают, что малайское слово *дукун*, означающее целителя традиционной медицины или духовного наставника, имеет персидские корни.

Ю.А. Иоаннесян в докладе «Бахаи в Российской империи» рассказал об истории общин бахаи в царской России, особо остановившись на наиболее организованной ашхабадской. В докладе были выделены вехи ее истории, приведены архивные документы, а также открытая недавно автором доклада в Рукописном отделе ИВ РАН рукописная хвалебная ода персоязычного поэта из этой общины в честь русского императора Александра III в благодарность за справедливое расследование российскими властями убийства благочестивого Хаджи Риза Мухаммада Исфাহани шиитскими фанатиками. Были процитированы выдержки из перевода этой оды на русский язык, выполненного Ю.А. Иоаннесяном, и показано отсканированное изображение оригинала рукописи.

Тематика выступлений отразила разнообразие специализации иранистов, принявших участие в конференции. Выступления продемонстрировали, что при всем разнообразии специализации петербургских исследователей их объединяет понимание значимости текстологического изучения источников.

Заседание подтвердило актуальность проведения подобных конференций для обсуждения в профессиональной аудитории направления и результатов исследований в области философии, религии, истории и культуры Ирана, чему и была посвящена конференция.

Kritzer Robert. Garbhāvākraṅtisūtra: The Sūtra on Entry into the Womb. —

Tokyo: The International Institute for Buddhist Studies of the International College for Postgraduate Buddhist Studies, 2014 (Studia Philologica Buddhica, Monograph Series XXXI). — 438 pp.

В 2014 г. в известной серии “Studia Philologica Buddhica”, выпускаемой токийским Международным институтом буддологических исследований, увидела свет монография проф. Роберта Критцера «Гарбхавакранти-сутра. Сутра о вхождении в утробу», посвященная исследованию этого практически не изученного, но важного для поздних этапов становления буддийской мысли памятника. Заметно, что автор посвятил изучению, анализу, переводу этого текста значительное время. Работа осуществлялась, как указывает сам Критцер, с привлечением экспертов в различных областях востоковедных штудий, при поддержке научных грантов. В результате было создано добротное академическое исследование древнего источника по одной из интереснейших доктринальных сторон буддизма, которое, безусловно, войдет в фонд значимых международных буддологических публикаций, интересных как специалистам в области индологии, синологии, тибетологии, так и вообще всем интересующимся буддийской культурой, а также историей медицины азиатского культурного ареала.

В основу композиции монографии положен, на наш взгляд, абсолютно оправданный в данном случае принцип поступательного движения от простого к сложному: читателю предлагается сначала ознакомиться с содержанием и переводческой спецификой памятника в общих чертах, а далее автор предоставляет полный перевод памятника, сопровождаемый разработкой наиболее важных доктринальных и источниковедческих тем. Так,

сам перевод предваряется кратким, но емким введением в проблематику источника и общим обзором текста. Безусловное подспорье при первичном знакомстве с содержанием — помещаемый автором в начало монографии синопсис. Следует принять во внимание предупреждение автора, что название и нумерация глав текста — это не оригинальная разбивка текста, встречающаяся в сутре, но предлагаемая самим переводчиком система. Ее введение, безусловно, методологически оправданно, поскольку без этого ознакомление непосредственно с текстом было бы затруднено. Вместе с тем нельзя не согласиться с автором монографии, что в отдельных случаях предложенная им разбивка может считаться спорной (с. 5).

Значимым видится раздел первичного обзора, в котором Р. Критцер сопоставляет медицинские воззрения (прежде всего касающиеся эмбриологии), отраженные в исследуемом источнике, и традиционные индийские медицинские знания. Автор апеллирует к таким древним источникам по аюрведе, как «Сушрута-самхита», «Чарака-самхита», «Аштангахридая-самхита». Отдельные частные вопросы компаративного характера оформлены в виде сопоставительных таблиц. Медицинские воззрения начала новой эры, отраженные в данном трактате, как указывает автор, в позднейшее время вошли в качестве составного элемента в знаменитый комплекс тибетских медицинских знаний, во многом повлияв на его становление. Таким образом, этот раздел, безусловно, будет интересен исследователям эволюции традиционных медицинских знаний Индии и Центральной Азии.

Перевод памятника выполнен Р. Критцером по тибетскому тексту сутры, содержащемуся в разделе «Кшудракавасту» Винаи школы *муласарвастивада*. Текст сутры не сохранился ни на одном из индийских языков (с. 9), но сохранились фрагменты тохарского

извода текста. Перевод сутры на тибетский, по всей вероятности, осуществлялся с санскрита, по крайней мере, как справедливо указывает Критцер, нет никаких свидетельств, что он мог быть переведен с какого-либо иного языка (с. 111). Существуют три китайских (самый ранний принадлежит Дхармаракше — переводчику, сыгравшему важную роль в становлении буддизма в Китае) и три его тибетских перевода (с. 9). Работая над английским переводом, автор учитывал все сохранившиеся версии древних переводов памятника. Так, отдельный раздел монографии посвящен теме сопоставления тибетских и китайских переводов сутры, в котором автор педантично учитывает все существующие разночтения и смысловые нюансы. Этот раздел содержит также значительные по объему сопоставительные таблицы, где наглядно представлены варианты прочтения текста тибетскими и китайскими переводчиками. И, наконец, без сомнения имеющим огромное значение для специалистов следует считать раздел, в котором помещено критическое издание памятника, снабженное подробным аналитическим аппаратом. Все это, вне всякого сомнения, говорит о фундаментальном характере рецензируемой монографии.

Что касается важной хронологической компоненты любого источниковедческого исследования, а именно датировки текста, то, как это обычно бывает в случае с текстами, происходящими из индийского культурного ареала, время создания памятника устанавливается предположительно. Первые китайские переводы текста появляются примерно в III в. н.э. Как справедливо замечает автор, первые версии сутры должны были появиться раньше данного срока, поскольку ссылки на нее обнаруживаются в ряде буддийских трактатов предшествующих столетий. Сопоставляя данные по датировкам этих источников, автор приходит к выводу о середине II в. н.э. как о времени, когда уже наличествовал оригинал сутры.

Разумеется, читательский интерес к данной публикации помимо источниковедческих реалий привлечет и само содержание трактата, посвященного подробному изъяснению важной доктринальной темы в буддизме — механизму обретения нового рождения в сансарном бытии, рассматриваемому в том числе в самых что ни на есть физиологических деталях процесса. Данная тема, раскрываемая в сутре, отражает интереснейшие стороны ре-

лигиозно-философского дискурса буддизма, ставящего вопросы рождения и смерти в зависимости от кармических первичных и вторичных причин, генерируемых индивидом, рассматривая бытие индивида как бесконечную череду мучительных «претерпеваний» состояний бытия между повторяющимися моментами многочисленных рождений и смертей. Содержание сутры центрируется вокруг тем зачатия, тридцати восьми недель вынашивания плода, рождения и страдания живого существа после рождения.

Исследователь отмечает, что сутра не содержит описания периода беременности, но сфокусирована именно на вопросах повторного вхождения в бытие после смерти и последующие процессы пребывания в утробе, рождения и т.д. Р. Критцер абсолютно верно отмечает основной «религиозный посыл» сутры, заключающийся в наглядной (в данном случае медицинской) иллюстрации первой буддийской «истины о страдании», которое неизменно сопровождает человека с момента его зачатия и на протяжении всей жизни. Специфичным для этого текста, по мнению автора, является также элемент «аскетической мизогинии» (“ascetic misogyny” — термин Критцер заимствует у Аллана Спонберга) (с. 3). На наш взгляд, это все же трудно считать удачной формулировкой. Аскетический, монашеский пафос раннего буддийского послания с его идеалами ухода от мира и монашеского целибата очевиден для любого, знакомого с буддийской культурой, но страстный «женоненавистнический» мотив все же вряд ли можно усмотреть в источнике, который принадлежит учению, видящему основную цель своего праксиса в угасании страстей.

Зачин сутры (с. 39–43) традиционен: Будда прибывает в город Чампа, где к нему приходит его единокровный брат Нанда с пятью сотнями монахов-*бхикшу*. Бхагаван обещает поведать им особую *дхарму* — учение под названием «Вхождение в утробу». Будда указывает на необходимые условия для возникновения нового бытия в *сансаре*: двух родителей и, собственно, того, кто воплощается и кто обозначается техническим термином *антарабхава* (*antarābhava* — букв. «промежуточное бытие»). Описывается «внешность» *антарабхав* в зависимости от вида удела *сансары*, в каком им суждено родиться. Для тех *антарабхав*, чья карма ведет к рождению в адских мирах *сансары*, характерен цвет горелого дерева. Те, кто рождаются животными, цве-

том напоминают дым. Тот, кому суждено родиться «голодным духом» — *претой*, имеет цвет, напоминающий воду. Родившись в мирах людей и жителей небес (в общем случае), *антарабхава* имеет золотистый цвет. (отдельно оговаривается случай с существами *рупа-дхату* и *арупа-дхату*). *Антарабхавы* могут свободно перемещаться в пространстве и обладают «божественным зрением» (*divūsaḥṣus*). В зависимости от удела *сансары*, где им суждено родиться, *антарабхавы* имеют тот или иной внешний облик: некоторые имеют по паре рук и ног, некоторые много ног или не имеют их вовсе. Автор монографии отсылает к важным буддийским источникам, содержащим схожие описания, в частности к «Абхидхармакоша-бхашье». В сутре обсуждаются медицинские особенности потенциальной роженицы, способствующие или препятствующие перерождению, а также особо оговариваются другие факторы, которые могут препятствовать зачатию.

Безусловно, небезынтересным для знакомого с сюжетикой тибетских учений цикла «Йоги яростных и мирных божеств» — Шитро (представленной, в частности, в ныне широко известной «Книге мертвых») будет данное в сутре описание самого процесса вхождения в утробу и сопутствующих этому психических переживаний. Так, в этом раннем буддийском источнике упоминается важный признак — притяжение к родителю противоположного пола и отторжение родителя одного с ним пола — указание на половую принадлежность будущего ребенка. Таким образом, в дискурс вводится важная теоретическая мировоззренческая компонента буддизма: две базовые *клеши* — *рага* и *двеша*, определяющие бинарность явлений бытия. В описании процесса вхождения в утробу рассматриваются десять типов особых ошибочных видений, посещающих *антарабхаву* (видения-переживания жара, солнца, ветра, дождя, холода и др.), из-за чего перерождающееся существо ищет какое-либо убежище, которым в видениях может оказаться, например, некое здание или хижина либо просто щель между камнями, куда устремляется *антарабхава* и этим входит в утробу (с. 44–45).

Интересным является описание зародыша в начале его существования: он, носящий в тексте техническое наименование *калала*, изначально неотделим от «крови» матери и семени отца, но под воздействием факторов, разбираемых в сутре, постепенно формирует-

ся в нечто от них отличное. Этот процесс Будда уподобляет появлению масла во время пахтанья молока или зарождению различных типов насекомых в траве, в навозе, во фруктах и пр. В тексте подробно обсуждается роль четырех *махабхут* (вселенских первоэлементов) в формировании тела живого существа — т.е. сутра в русле буддийского учения о причинности изъясняет первичные и вторичные факторы, участвующие в формировании тела живого существа (с. 46–50).

Примечательными, безусловно, видятся древние эмбриологические воззрения, отраженные в описании тридцати восьми недель вынашивания плода и участия в этом различных энергетических и кармических факторов. В сутре содержится подробное — по недельное описание этого процесса. Рассматриваются различные ощущения, переживаемые плодом, стадии формирования частей тела, конечностей и пр. Описание изобилует технической медицинской терминологией и многочисленными, поясняющими излагаемый материал сравнениями. Такому фактору, как *карма*, отводится центральное место в объяснении особенностей формирования тела, и сутра содержит обширные пассажи, объясняющие ее роль в этом процессе (с. 51–73).

После описания процесса рождения следует детальное изложение переживаний новорожденного, доминирующим из которых, безусловно, сутра, следующая духу буддийского учения, полагает переживание *дхукхи* — «страдания-претерпевания». Всяческий контакт тела новорожденного со средой — прикосновение рук, ткани, соприкосновение с водой и пр. — текст трактует как болезненные переживания. Помимо этого через неделю после появления на свет новорожденный становится объектом восьмидесяти тысяч «червей», разрушающих его здоровье и «поедающих» ту или иную часть его тела. Каждый из типов этих червей имеет свое собственное причудливое название, и, как отмечает Р. Критцер, хотя их наименования и восходят к санскритским источникам, реконструировать их на основании тибетского перевода практически невозможно. В то же время живое существо атакуют тридцать два «демона» (неблагоприятных фактора — *граха*), санскритские имена которых автор реконструирует на основании ряда источников по индийской медицине. В ходе этих описаний дидактически подчеркивается недолговечность и преходящий характер существования, и Будда не раз указывает Нан-

де, что единственным путем освобождения от сансарического существования является следование *дхарме* (с. 75–82).

Важная тема сутры — описание промежуточного существования между рождением и смертью, т.е. собственно бытия воплощенного живого существа. Весь цикл существования разделяется на десять периодов, в которых живое существо претерпевает различные виды страданий. Сутра скрупулезно подсчитывает продолжительность жизни человека, указывая число времен года, месяцев, суток и количество приемов пищи. Сутра перечисляет сорок восемь видов болезней по месту их образования, а также приводит классификацию болезней по четырем группам — по нарушениям в трех основных гуморах: слизи, желчи, жизненного ветра и смешанного типа (всего четыреста четыре болезни — по сто одной в каждой группе). Также упоминаются другие виды несчастий, которые могут поразить человеческое тело (такие, например, как всевозможные виды травм и пр.). Вообще, все типы жизненной активности (движение, сидение, стояние, лежание и др.) приносят в результате лишь страдание телу. Таким образом, человеческое тело подвержено болезням, изменчивости, неизбежному старению и смерти. Весь поток жизни — это поток «формирующих факторов» (*санскар*). Следование *дхарме* способно пресечь этот поток (с. 82–88).

Чрезвычайно интересной видится встречающаяся в тексте сутры типология сознания по сохранению осознания в процессе «вхождения в утробу» (*гарбха-авакранти*). Текст говорит о четырех возможных вариантах: полном забывании о вхождении, пребывании и рождении; сохранении осознания в процессе вхождения в утробу и пребывания в ней; забывании в момент вхождения и потери памяти в процессе пребывания в утробе и рождения; вхождении, пребывании и рождении без осознания. Подробно обсуждаются факторы, определяющие каждый из этих вариантов (с. 89–96).

Несмотря на то что человеческое существование полно страдания, сутра подчеркивает, что рождение (букв. «удел» — *сати*) в форме человека — это лучшее рождение и обретается редко. Сутрой описываются характеристики бытия в других уделах: у жителей ада, *претов*, богов и животных. *Сансара* уподобляется горящему пламени, горение которого поддерживается огнем страсти, не-

нависти и неведения (т.е. трех базовых *клеш*) (с. 96–99).

В завершающей части сутры приводятся слова Будды, которые переключаются со многими другими буддийскими источниками, идентифицируемыми автором монографии. Будда говорит о важности развития должного усилия в следовании *дхарме* на благо себя и других, непостоянстве природы пяти *скандх* и об окончании цикла перерождений при постижении таковой их природы, о безошибочности даваемого им учения, о природе реальности, которую он постиг, к которой он пробудился. В этом контексте Бхагаван произносит встречающуюся во многих других буддийских источниках фразу: «Нанда, я не спорю с миром, но мир спорит со мной!». Будда указывает на личное усилие каждого индивидуума как на залог успеха в постижении. В завершении сутры Бхагаван еще раз в 25 стихах подытоживает суть излагаемого им учения и демонстрирует, как из *скандх* под воздействием кармических факторов возникает тело (с. 99–108).

Таково краткое изложение тем «Сутры о вхождении в утробу», в которой читатель найдет и разъяснение общих доктринальных вопросов буддийского учения, и освещение неразделимых от них психофизиологических аспектов бытия человека во всех формах его пребывания в круговороте бытия. Текст сутры также содержит множество религиозно-этических, культурологических, медицинских деталей, которые покажутся интересными как специалистам-востоковедам, так, возможно, и историкам науки. Для знакомства с ними заинтересованного читателя мы адресуем непосредственно к тексту этой замечательной монографии.

В.П. Иванов

Боркин Л.Я. Извара, Н.К. Рерих, Гималаи. — СПб.: Издательство «Европейский дом», 2014. — 256 с., 270 илл. Авторы фотографий: А.В. Андреев, Б.К. Ганнибал, С.Н. Литвинчук, В.В. Скворцов, Д.В. Скоринов.

Личность и деятельность Н.К. Рериха (1874–1947) ввиду оригинальности, разноплановости и масштабности вклада (живопись, археология, общественная деятельность и не только) доныне остаются предметом исследова-

тельского интереса, личных симпатий (и антипатий), научных дискуссий и, порой, пристрастных перепалок. В России, полагаю, этот интерес не ослабнет никогда, потому что биография Н.К. Рериха воплотила самые востребованные и исторически взыскуемые соотечественниками личностные качества и мотивы: тягу к знаниям, романтизм одновременно с деловой хваткой, героизм и готовность к преодолению препятствий. Более того, притягательным остается феномен «семья Рерихов», действительно уникальный случай солидарных усилий двух поколений семьи, каждый член которой сохранил при этом свою яркую индивидуальность, оставил свой след в истории российской и мировой культуры.

Научные, публицистические, а также апологетические работы, посвященные Рерихам, исчисляются сотнями, если не тысячами. Казалось бы, все уже исследовано и тему можно считать исчерпанной. Однако книга Л.Я. Боркина опровергает это предположение: при выборе необычного ракурса можно увидеть новые грани предмета.

Рецензируемое издание опубликовано под грифом Центра гималайских научных исследований Санкт-Петербургского союза ученых (СПбСУ) совместно с Правительством Ленинградской области, которое выступило инициатором этой работы. Автор текста — руководитель Центра Лев Яковлевич Боркин, кандидат биологических наук, историк науки, науковед, организатор и участник научных экспедиций СПбСУ в Западные Гималаи и на запад Индии (пустыня Тар и т.д.) в 2011, 2013, 2014 гг. Образование Центра было закономерным итогом организационного оформления экспедиционной деятельности СПбСУ. Один из социально значимых аспектов работы Центра — популяризация научных знаний о Гималаях и прилегающих территориях, и книга «Извара, Н.К. Рерих, Гималаи» представляет собой первый и, на наш взгляд, весьма удачный опыт на этом поприще.

Замысел книги — отразить вклад Н.К. Рериха в гималайские исследования и определяющую роль Гималаев в выстраивании его «жизненного проекта» — сформировался в контексте подготовки к официальному празднованию 140-летия Н.К. Рериха и 30-летию музея-усадыбы в Изваре (с. 7). Оригинальность авторского подхода состоит в совмещении трех сюжетно-смысловых линий: логика жизненного пути Н.К. Рериха; Гималаи, откры-

вающиеся по маршруту экспедиции Рерихов 1925–1928 гг. в наблюдениях Н.К. и Ю.Н. Рерихов; Гималаи на маршруте экспедиций СПбСУ. Этот подход делает повествование живым и познавательным, позволяя читателю в том числе проследить, что и как изменилось в этом самобытном регионе.

Книгу открывает глава «Извара: начало пути», из которой делается более понятным процесс вызревания у Н.К. Рериха из присущей многим юношеской любознательности профессионального интереса к археологии, изучению артефактов культуры в комплексе с ландшафтом. В этой главе приведены высказывания Н.К. Рериха из его работ, ныне ставших библиографическими раритетами, — очерков «Отец» (1937) и «К природе» (1901).

Логика формирования интереса Н.К. Рериха к Гималаям раскрывается автором в главе «Н.К. Рерих и Гималаи». Убедительно охарактеризована атмосфера в русском образованном обществе рубежа XIX–XX вв., в котором интерес к Востоку был ответом на духовные вызовы времени. Рерих, по сути, с чуткостью художника уловил их. Приведены наиболее существенные факты биографии Н.К. Рериха, в совокупности придавшие направление его жизни и деятельности.

Дальнейшие разделы посвящены собственно «рериховским» Гималаям в неразрывном соотношении с современностью с привлечением авторских экспедиционных наблюдений в узловых точках маршрута Кашмир–Ладакх–Кулу, а также самый запад Тибетского нагорья. Отметим, что сама идея панельных экспедиционных маршрутов доказала свою эффективность и была, в частности, использована для описания современного состояния объектов буддийской культуры по маршруту тибетолога Д. Туччи (см.: *Klimburg-Salter D. Tucci. Himalayan Archives Report, 1. The 1989 Expedition to the Western Himalayas, and a Retrospective View of the 1933 Tucci Expedition // East & West. 1990. Vol. 40. No. 1–4. P. 145–172*).

Самостоятельную историко-научную ценность представляет раздел, посвященный институту «Урусвати» в аспекте анализа организационных форм, направлений и предмета научной и научно-издательской деятельности. Отметим, что в 1920–1930-е годы именно институт был доминирующей формой организации науки, эффективность которой обособывал еще С.Ф. Ольденбург. Н.К. Рерих, можно сказать, представлял передовую для своего

времени линию научно-организационной мысли. Ценной идеей у Рерихов было также понимание важности создания комплексных региональных научных баз-стационаров и подвижных научных групп, на что обращается внимание в книге.

Отдельного внимания заслуживает иллюстративный материал издания. Он представляет собой тематические подборки воспроизведений картин и рисунков Н.К. Рериха, современные фотографии. Большой познавательной и научной ценностью обладают 270(!) цветных фотографий, которые предоставили для публикации участники Гималайских экспедиций СПбСУ 2011 и 2013 гг.: доктор биологических наук А.В. Андреев, кандидат биологических наук Б.К. Ганнибал, кандидат биологических наук С.Н. Литвинчук, доктор биологических наук, проф. В.В. Скворцов, кандидат биологических наук Д.В. Скоринов. Они запечатлели пейзажи, представителей гималайской флоры и фауны, современные виды буддийских монастырей, сценки повседневной жизни. Отметим, что фотографии полностью атрибутированы (авторство, дата съемки, название объекта), что делает их ценным самостоятельным источником для специалистов и всех интересующихся Гималаями. Самих же авторов фотографий можно рассматривать как полноценных соавторов книги.

К несомненным достоинствам рецензируемого издания относятся точные и подробные описания современного состояния примечательных мест по маршруту Рерихов, что побуждает читателя хотя бы помечтать о том, чтобы самому погулять по садам Шринагара, полюбоваться высокогорным Гульмаргом (Кашмир), проникнуться настроением буддийских храмов Ладакха, вдохнуть льдистый воздух Трансгималаев, полюбоваться эндемичными растениями и животными.

Как всякий настоящий путевой дневник, книга Л.Я. Боркина содержит элементы путешествия к себе, приближения к мечте. Поэтому так психологически достоверно и искренне звучат его слова о символическом приближении к Тибету, посетить который в реальности не представилось возможности: «...я прошел по грязноватой проселочной дороге около сотни метров вверх вдоль Сатледжа, в сторону загадочного Тибета, о котором я грезил еще в детстве, читая книги Н.М. Пржевальского и других великих путешественников» (с. 226).

Выстроенная в стилистике востребованного ныне жанра травелога (travelogue) книга Л.Я. Боркина совмещает два гималайских хронотопа — рериховский и современный, устанавливает масштаб личности и вклада Н.К. Рериха в гималайские исследования.

В заключение необходимо подчеркнуть корректность и неангажированность авторской позиции Л.Я. Боркина, что позволяет уверенно оценить книгу «Извара, Н.К. Рерих, Гималаи» как достойный образец современной научно-популярной литературы о странах Востока и истории их исследования.

Т.В. Ермакова

Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». — СПб.: Издательство «Европейский дом», 2010. — 397 с.

Данную книгу можно назвать итогом более чем сорокалетнего труда автора по переводу и изучению санскритской эпопеи «Махабхарата». Еще в конце 1960-х годов Я.В. Васильков совместно с С.Л. Невелевой приступил к переводу санскритской эпопеи «Махабхарата» (далее — Мбх) на русский язык. Итогом работы соавторов стал выход в свет перевода девяти книг Мбх, снабженного подробнейшим научным комментарием, тщательно подготовленным справочным аппаратом, проблемными статьями. Всё это характеризует тот стиль научной работы, который стал визитной карточкой исследователей.

Настоящее исследование Я.В. Василькова можно считать настольной книгой для любого эпосоведа. В книге собраны самые последние наработки, достижения и наблюдения в этой области знаний, сделанные как представителями мировой науки, так и самим автором. Особого внимания заслуживает талант Я.В. Василькова писать и говорить о сложных материях просто и понятно, с чем автор этой рецензии хорошо знаком на собственном опыте, поскольку на протяжении всех лет своей университетской учебы имела счастье слушать лекции Ярослава Владимировича. Этот талант автора рецензируемого издания, не слишком распространенный среди пишущих ученых, делает данную книгу необычайно интересным и полезным чтением.

Книга Я.В. Василькова состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы, по сути являющегося

библиографией по эпосоведению. Несомненным достоинством монографии стали указатели (указатель текстов, указатель предметов и терминов, указатель имен), которые делают работу с книгой очень удобной.

Введение, озаглавленное «„Махабхарата“ и историческая типология эпоса», представляет собой емкий очерк истории изучения «Махабхараты», начиная с «докритического периода», когда исследователи не только соотносили индийский эпос с поэмами Гомера (что будет продолжаться и дальше), но и ошибочно сближали его с авторскими книжными эпосами (с. 5–10). Критическое изучение Мбх стало интереснейшим периодом противоборства сторонников двух различных подходов, «аналитиков» и «синтетиков», отголоски которого слышны до сих пор. По мнению Я.В. Василькова, поскольку основное противоречие между приверженцами этих подходов не могло быть преодолено в рамках традиционной европейской книжной критики, оно было снято только тогда, когда филологи обратились к изучению живой эпической поэзии и возникло сравнительное эпосоведение. Революционным достижением этой новой отрасли знаний стала формульная теория Пэрри–Лорда, а ее применение к материалу Мбх российскими учеными (в первую очередь П.А. Гринцером и автором рассматриваемой книги) позволило сделать устно-поэтический генезис Мбх доказанным фактом и вывело российское эпосоведение на лидирующие позиции в мире. Именно Я.В. Василькову принадлежит очень удачное сравнение из области археологии для описания расположения содержательных слоев в тексте памятника, уподобляющее Мбх «смешанному культурному слою», где разновременные «слои» спаяны воедино и рассредоточены по ткани повествования, поэтому теперь главной задачей исследователя Мбх становится не отделение «позднего» от «раннего», а историко-типологическая стратификация элементов художественной системы и содержания эпоса (с. 34–36). Задача уточнить типологическую характеристику индийской эпопеи с помощью разработанной Б.Н. Путиловым методики сравнительно-исторического исследования фольклора стала основной при работе над данной книгой.

Первая глава книги носит название «Эпос и миф». Как отмечает автор, в индологии до сих пор распространено ложное представление о соотношении эпоса и мифа в Мбх: счи-

тается, что эпическая традиция была подвергнута искусственной мифологизации брахманами еще на стадии устного бытования. Однако результаты научных изысканий российских эпосоведов (С.Л. Невелевой, Я.В. Василькова) свидетельствуют, что «мифологизм» присущ Мбх изначально и является признаком, роднящим индийскую эпопею с архаическими памятниками мировой эпикой. Это положение доказывается автором как со стороны художественного языка — на материале выводов из совместных работ с С.Л. Невелевой, так и со стороны сюжетики. Именно анализ сравнений позволяет установить степень близости эпического памятника к мифологическому синкретизму, и наиболее ранние по развитию формы сравнений располагаются в батальных книгах, содержание которых трактуется многими исследователями как типологически исходный (по отношению к более позднему «слою») религиозно-философской дидактики) героический «слой» эпопеи (с. 52–55). Проанализировав сравнения в батальной «Карна-парве», соавторы установили, что, во-первых, подавляющее большинство сравнений являются мифологическими, а во-вторых, они образуют оригинальную систему в сознании эпического певца и аудитории, объединяющую поэтическое уподобление элементов эпикой элементам мифа и мифологическое знание их тождества друг другу. Этот очень ценный вывод роднит эпическое повествование и ритуал в их отношении к мифу, а также позволяет говорить о том, что подобная система сравнений Мбх могла сложиться только на стадии ранней архаики.

Типичная черта сюжетики Мбх — божественное происхождение героя или же отношения родства/сопричастности с божеством. Согласно Я.В. Василькову, имеет значение не столько происхождение героя, сколько его отношение к персонажам мифа. На материале архаических эпосов Сибири, Осетии, живого эпоса кочевников Южной Индии Я.В. Васильков показывает, что эпический герой рождается с собственной функцией и между деятельностью героя и действиями мифологического персонажа наблюдается осознанный параллелизм. Обычное для ведийской культуры стремление соотносить различные планы бытия с уровнями картины мира, ища в повседневном возвышенное, было воспринято эпическими певцами, которые осознанно следовали этой корреляции, возвращая принцип функциональной привязки богов и прота-

гонистов эпического действия Мбх (с. 89–95). Согласно выводу исследователя, сопоставление эпического действия и мифа стало основным конструктивным принципом эпической поэтики, что сближает Мбх и памятники архаики.

Вторая глава исследования носит название «Эпос и ритуал» и рассматривает степень отражения обрядовых действий в моделировании сюжетов Мбх. Ритуал в архаической культуре служил посредником между мифом и конкретным фактом человеческого бытия, своего рода пробным камнем, при помощи которого проверялось соответствие конкретной ситуации сакральному прецеденту, а то, что не проходило такую проверку, отбрасывалось и забывалось. В жизни ранних индоариев основные виды человеческой деятельности были подчинены мифологическим моделям: по мысли Я.В. Василькова, все было ритуалом и все так или иначе соотносилось с мифом. Это показывает изучение сюжетов Мбх на фоне определенных ритуалов и специфических форм социальной организации. Чаще всего эпические сюжеты моделируются инициационными и состязательными ритуалами архаической обрядности, взаимосвязанными друг с другом. К таковым относятся живописания разнообразных царских обрядов (*свямвара*, *раджасуя*, *абхишека*) и красочные так называемые «празднества Индры», пронизывающие все повествование Мбх, сюжеты об игре в кости, словесные состязания, распространенные во всей индийской культуре.

Я.В. Васильков известен своим интересом к изучению «этнографического субстрата» популярных эпических сюжетов. Термин «этнографический субстрат» был введен В.Я. Проппом и развит Б.Н. Путиловым и означает древнюю мифоритуальную предпосылку к сложению того или иного образа или сюжета. Мифоритуальные связи рассматриваются в книге на примере анализа вставных сказаний о рогатом отшельнике Ришьяшринге, об Аштавакре и старой подвижнице, а также сюжетов из основного повествования об уходе Пандавов в изгнание, о восхождении Арджуны на небо Индры. Завершает главу подробный разбор ритуала битвы, играющего важнейшую роль в индийском эпосе. В ходе этих увлекательных разборов эпических сюжетов автор очень умело и даже филигранно применяет методику сравнительно-сопоставительного анализа, разработанную Проппом–

Путиловым, используя в качестве сравнения сюжеты из других жанров индийской литературы, эпических сказаний различных народов, данные из исследований по этнографии. В результате такой обширной аналитической работы автора знакомые сюжеты «Махабхараты» приоткрывают свои этнографические глубины и предстают в новом, подчас неожиданном свете. Например, за символикой битвы в Мбх стоят обряд жертвоприношения, представление о «доле» каждого из героев в этом обряде (с.257) и уподобление битвы и обрядовых праздничных состязаний (с. 257); ритуальной основой сказания о Ришьяшринге были обряды вызывания дождя: ответственность за выпадение осадков приписывалась царю (с. 138–144).

Распространено представление о бессознательном использовании мифоритуальных мотивов при сюжетосложении, что характерно для зрелого героического эпоса, когда деяние героя воспринимается как идеальное, если оно подобно деянию бога в мифе. Как было показано выше, к индийскому эпосу неприменимы однозначные исчерпывающие характеристики, поэтому и ритуал в Мбх не всегда имеет значение только идеализирующего фона, довольно часто действие эпического сюжета понимается как тождественное ритуалу. На примере исчерпывающих разборов эпических сюжетов о битве Арджуны и Кираты и последующего восхождения Арджуны на небо Индры, об Аштавакре в гостях у старой подвижницы Диш Я.В. Васильков делает важный вывод об осознанности соотношения эпического действия и ритуала, о том, что исполнители эпоса видели и понимали параллелизм и даже тождество между действием сказания и религиозным обрядом.

Как представляется, наиболее впечатляющих результатов достиг Я.В. Васильков в изучении эпического историзма. Выводы из этого исследования изложены в третьей главе под названием «Эпос и история». Споры о степени отражения реальной истории в индийском эпосе ведутся на протяжении всего периода изучения Мбх: в то время как одни исследователи отталкивались от убеждения, что Мбх отражает конкретные исторические события, другие придерживались диаметрально противоположного взгляда, заключающегося в том, что сюжет эпоса исключительно продукт художественного вымысла. Приятно сознавать, что именно благодаря трудам российских эпосоведов и фольклори-

стов, включая автора рецензируемой работы, можно считать решенной проблему эпического историзма. Такие исследователи, как А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, П.А. Гринцер, применив сравнительно-исторический подход, пришли к выводу об *обобщенном* характере историзма эпоса. Это значит, что «реальность входит в эпическую сюжетку не... датируемыми, определенными событиями... а типовыми устойчивыми явлениями, сторонами жизни, ситуациями, которым свойственна повторяемость, всеобщая значимость и которые определяют быт эпохи»¹. На основании этой точки зрения П.А. Гринцером было предложено ставшее теперь классическим определение Мбх как зрелого героического эпоса, частично трансформировавшегося в эпос религиозно-дидактический.

Существенную поправку в это определение вносит Я.В. Васильков в рассматриваемой работе. Доказав, что индийский эпос проходит в своем историческом развитии три стадии — архаическую, героическую и дидактическую, причем все они удивительным образом сосуществуют в ткани эпического повествования, — автор особое значение придает ранней, архаической стадии бытования эпоса и доказывает, что Мбх «осознает эпическую историю» (описываемое действие) как некую трансформацию или даже вариант мифа, как своего рода воспроизведение ритуала или указание на него. То есть индийский эпос отражает историю так, как это обычно делают наиболее ранние в типологическом отношении образцы архаического эпоса (с. 336–337). Новое определение индийской эпопеи в редакции Я.В. Василькова выглядит так: Мбх — это «памятник, прошедший через стадию героики и частично трансформировавшийся в религиозно-дидактическую эпопею, но при этом сохранивший ряд особенностей, присущих эпосу на архаической стадии» (с. 338). Способность сохранять эти разновременные пласты в своеобразном единстве автор называет специфической характеристикой индийской цивилизации, где не бывает резких перемен, а новое накладывается на старое и сосуществует рядом. Таким образом, Мбх является типичным порождением индийской культуры.

Не менее важным кажется призыв Я.В. Василькова отойти от укоренившегося стандарта изучать Мбх «под Гомера», т.е. применять

гомеровские штудии для исследования санскритского эпоса, и обратиться к рассмотрению индийской эпопеи с довольно неожиданного ракурса (который после прочтения данной книги автора уже не кажется таким уж неожиданным) — как *одного из эпосов Индии*, стоящего в ряду живых эпосов устного происхождения на многочисленных индийских языках. Этот призыв автора несомненно найдет последователей, что позволяет надеяться на появление новых результатов изучения санскритской эпопеи.

Е.В. Танонова

Руденко М.Б. Очерки средневековой курдской литературы. Подготовка рукописи к изданию, предисловие, примечания, указатели Ж.С. Мусаэлян; Приложение: Руденко М.Б. Материалы и наброски для лекции «Курды: Быт, нравы, обычаи и культура». — СПб.: Контраст, 2014 (Азиатика). — 280 с.

Рецензируемая работа представляет собой подготовленную Ж.С. Мусаэлян к изданию рукопись широко известного в отечественной и зарубежной ориенталистике востоковеда-курдоведа — Маргариты Борисовны Руденко, перу которой принадлежат фундаментальные труды в области курдской средневековой литературы, основанные на исследовании рукописных памятников. М.Б. Руденко внесла значительный вклад в изучение богатейшего курдского фольклора и этнографии.

Основу публикуемой рукописи М.Б. Руденко, хранящейся в Архиве ИВР РАН, составляет курс лекций, прочитанный ею на восточном факультете Ереванского университета в апреле 1970 г. Данный цикл лекций базируется на собрании курдских рукописей из известной коллекции ираниста-курдоведа Александра Деметьевича Жабы, список которых впервые был опубликован в 1957 г. в «Трудах ленинградской Публичной библиотеки», а затем ею же исследован в книге «Описание курдских рукописей ленинградских собраний» (М., 1961), явившейся первым в истории курдоведения тематическим каталогом курдских манускриптов. Надо сказать, что значительная часть вошедших в данное описание рукописей имеется в берлинском каталоге курдских рукописей, опубликованном в 1970 г.

¹ Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 68.

(см.: *Kurdische Handschriften. Beschrieben von Kamal Fuad. Wiesbaden, 1970*).

Настоящее издание, предваряемое обширным предисловием Ж.С. Мусаэлян, состоит из введения, основной части в виде лекций по курдской литературе, а также приложения и указателей².

Во введении излагается история изучения курдской литературы (самими курдами и западноевропейскими учеными), приводятся имена известных ориенталистов, заложивших основы данной области курдоведения, — это А. Жаба, М. Хартман, П. Лерх, В. Диттель, А. Лекок, В. Минорский, Н.Я. Марр, И.А. Орбели и О.Л. Вильчевский. «Не будь этих ученых, — пишет М.Б. Руденко, — может быть, и до сих пор в науке господствовало бы мнение о курдах как о „дикой“ народности, не способной к созданию национальной культуры» (с. 33).

Первые страницы основной части книги посвящены научному наследию А.Д. Жабы, его роли в развитии отечественного курдоведения. Здесь особое место отведено описанию собранной им указанной выше уникальной коллекции курдских рукописей, значительную часть которой составляют поэтические произведения почти всех известных поэтов средневековья.

Излагая далее историю развития курдской литературы, автор предлагает ее предварительную периодизацию: первый период — с VII до XI в. (условно); второй — с XI в. до середины XVIII в.; третий — Новый — конец XVIII — XIX в.; четвертый — Новейший — XX в. При этом автор замечает, что данная периодизация, как и многие предположения и высказывания относительно датировки произведений, а также приводимых дат жизни поэтов носят предварительный характер и «никак не могут считаться окончательными», поскольку в истории курдской литературы немало лакун и пробелов, которые еще предстоит исследовать (с. 25).

Следует иметь в виду, что основной задачей, которую ставила перед собой М.Б. Руденко, было исследование средневековой курдской литературы на северном диалекте курдского языка курманджи, охватывающей период с XI в. до середины XVIII в.

² Следует иметь в виду, что настоящая книга анализирует лишь основные труды М.Б. Руденко, отражающие состояние изученности курдской письменной литературы на 50–60-е годы прошлого столетия.

Основная часть лекций посвящена изданию произведений средневековых поэтов, «диваны» которых в разные годы были опубликованы М.Б. Руденко с критическим текстом и русским переводом³.

К числу ранних курдских поэтов с некоторым сомнением автор относит суфия-мистика Баба Тахира (935–1012), стихи которого сохранились на разных иранских диалектах⁴, в связи с чем, по мнению М.Б. Руденко, вопрос о включении поэта-дервиша в курдскую литературу остается открытым (с. 75). Вместе с тем автор приводит высказанное по этому поводу предположение крупнейшего ориенталиста и курдоведа В.Ф. Минорского о том, что, «возможно, Баба Тахир имитировал различные диалекты, чтобы сделать стихи доступными суфиям — носителям этих диалектов» (с. 76). Здесь необходимо привести и мнение известного ираниста З.Н. Ворожейкиной о том, что широкая популярность стихов Баба Тахира (диван которого в первоначальном виде утерян) определила их интенсивное обрастание «странствующими» четверостишиями и что это не позволяет до сих пор решить вопрос как о характере творчества Баба Тахира, так и о самой принадлежности этих популярных стихов перу поэта-дервиша XI в.⁵

Подробнее автор останавливается на характеристике произведений поэтов XIV–XVII вв., среди которых особое место занимает выдающийся курдский поэт XVII в. Ахмед Хани. Родоначальник отечественного курдоведения И.А. Орбели назвал его «одним из величайших поэтов человечества», а М.Б. Руденко, посвятившая свою кандидатскую диссертацию (1962 г.) романтической поэме «Мам и Зин» (3000 бейтов), пишет: «Одного только знакомства с творениями Ахмеда Хани достаточно, чтобы понять, какой высокой культурой обладали курды» (с. 132).

³ Краткие очерки курдской литературы опубликованы после ее смерти в «Истории всемирной литературы» (М., 1987. Т. 4. С. 400–403; 1988. Т. 5. С. 475–477; 1989. Т. 6. С. 697–699; 1991. Т. 7. С. 615–616).

⁴ Баба Тахира, писавшего свои стихи на курдском диалекте лури, курдские ученые причисляют к своим национальным поэтам.

⁵ См.: *Ворожейкина З.Н.* О литературном наследии Баба Кухи и Баба Тахира // Труды научной конференции по иранской филологии (24–27 января 1962 г.). Изд. Ленинградского университета. 1964. С. 152.

Заключительная часть данного издания посвящена краткому обзору курдской литературы на южнокурдском диалекте горани, которая, как и сам диалект, в то время была еще мало изучена.

Представленный в виде приложения этнографический материал, собранный М.Б. Руденко в полевых условиях во время поездок в республики Закавказья и Средней Азии, является не менее ценным и заслуживает, как я полагаю, вместе с ее фольклорным материалом отдельной публикации.

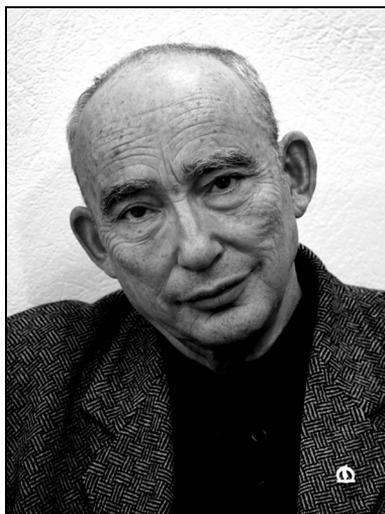
Изложенное выше позволяет оценивать работу М.Б. Руденко в разных планах: и как независимый анализ курдской средневековой литературы на одной из форм литературного языка — курманджи, и как исследование части большой задачи — истории развития курдской литературы в целом. В определенном смысле работа представляет собой новую

главу в истории курдской словесности, основанную на рукописном материале, закладывающую основы курдского литературоведения.

Завершая краткую характеристику рецензируемой книги, считаю необходимым отметить большой труд по подготовке рукописи к печати, проделанный Ж.С. Мусаэлян (ученицей М.Б. Руденко): ею написано пространное предисловие, где детально излагается биография М.Б. Руденко, а также основные этапы ее научной деятельности; составлен научный аппарат с примечаниями; дана единая система подачи цитируемого материала (в рукописи эта часть не унифицирована и содержит множество лакун); к работе приложены указатели (частично извлеченные из опубликованных работ автора), а также список использованных источников и литературы.

З.А. Юсупова

Владимир Аронович Яacobсон
(26.10.1930–5.03.2015)

5 марта 2015 г. на 85-м году жизни, после долгой тяжелой болезни скончался ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, доктор исторических наук Владимир Аронович Яacobсон.

Окончив в 1953 г. с отличием юридический факультет Ленинградского университета, Владимир Аронович связал свою научную судьбу с исследованием истории права на Древнем Востоке. Изучив клинопись и древневосточные языки (аккадский и хеттский) под руководством И.М. Дьяконова, он стал выдающимся специалистом по клинописному праву, а также по социально-экономической истории древней Передней Азии.

В.А. Яacobсон родился 26 октября 1930 г. в семье рабочего в г. Луганске, на Украине. Он очень рано начал читать и блестяще учился в школе. Когда началась Великая Отечественная война, части семьи, в том числе и Володе, удалось эвакуироваться в Заволжье. Остальные члены семьи погибли в оккупации. В 1944 г. семья вернулась в Луганск. Благодаря прекрасным школьным учителям Владимир Аронович, помимо прочего, хорошо знал не только русскую, но и украинскую литературу, любил украинскую поэзию. До последних лет жизни он старался навещать свой родной город, читал лекции в местном педагогическом институте.

Еще студентом Владимир Аронович увлекся историей права. В 1952 г. «Вестник древней истории» опубликовал в приложении к № 3 и 4 «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», изданные в переводе на русский язык И.М. Дьяконовым при участии профессора юридического факультета ЛГУ Я.М. Магазинера, учителя В.А. Яacobсона. Тогда и созрело решение студента-правоведа углубиться в историю древневосточных государств. Но прежде чем поступить в аспирантуру к И.М. Дьяконову, он некоторое время работал в судебных органах Луганска, а затем, уже в Ленинграде, преподавал научный коммунизм в ПТУ. Владимир Аронович был замечательным лектором. В разные годы он, уже будучи научным сотрудником Ин-

ститута востоковедения в Ленинграде/Петербурге, вел в ЛГУ/СПбГУ специальный курс по проблемам месопотамского права, преподавал историю Древнего Востока в Петербургском институте иудаики и в Театральной академии на Моховой. Он любил работать с молодежью и умел это делать живо и интересно.

В 1967 г. В.А. Якобсон защитил кандидатскую диссертацию «Новоассирийское право и общество», а в 1989 г. — докторскую диссертацию «Законы Хаммурапи как источник по истории древней Месопотамии». Впоследствии он опубликовал новый комментированный перевод этих законов. Он был автором более 130 работ, автором и редактором нескольких изданий «Истории Древнего Востока», безотказным и высококвалифицированным редактором многих монографий своих коллег.

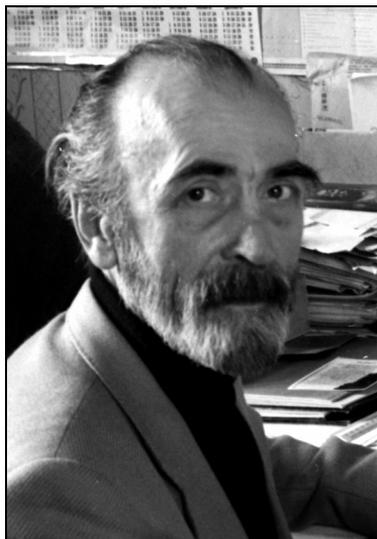
Совместно с И.М. Дьяконовым, в русле единой школы, Владимир Аронович разрабатывал и отстаивал новую концепцию социально-экономического развития общества в древней Передней Азии. Помимо исследования раннегосударственных объединений в древней Месопотамии, их генезиса, Владимир Аронович работал также над социальными проблемами города на Древнем Востоке, исследовал историю первых империй. Эти работы вызвали интерес в мировой науке.

Обладая тонким литературным вкусом, Владимир Аронович занимался также переводом памятников аккадской литературы, опубликовав среди прочего «Разговор господина с рабом», «Эпос об Эрре», «Поэму о невинном страдальце» и дополнения, по новым материалам, к «Эпосу о Гильгамеше» — работу, которую ему не удалось, увы, завершить. С 2002 г. Владимир Аронович напечатал несколько публицистических статей, откликаясь на события и идейные веяния этих лет. Последняя его статья в журнале «Звезда», в № 9 за 2013 г., полна удивительных провидений.

Владимир Аронович был мудрым советчиком, верным другом, очень добрым и мужественным человеком. К сожалению, на его долю выпало много физических страданий; болезни и в молодости, и в старости надолго выводили его из строя, но голова оставалась ясной до последнего дня. Память о нем будет всегда с нами.

Н.О. Чехович

Валерий Вячеславович Полосин
(25.02.1939 — 14.11.2014)

Ушел из жизни выдающийся ученый-арабист, основатель нового научного направления — невербального изучения памятников арабографичной письменности — Валерий Вячеславович Полосин. Это произошло так неожиданно, что я никак не мог заставить себя сесть и написать слово «некролог», настолько оно не вяжется с живым, энергичным, бодрым духом и телом Валерием Вячеславовичем с его летящей походкой.

Вот текст автобиографии, которую Валерий Вячеславович написал, поступая на работу в наш Институт:

«Я, Полосин Валерий Вячеславович, родился 25 февраля 1939 г. в с. Тетюхе Ольгинского района Приморского края, в русской семье военнослужащего.

Окончив в 1956 г. 8-ю среднюю школу г. Ленинграда, поступил в том же году на отделение истории арабских стран Восточного факультета ЛГУ им. А.А. Жданова. По окончании факультета в 1961 г. был призван в ряды Советской Армии и до сентября 1965 г. работал военным переводчиком арабского языка. В 1965 г. по собственному ходатайству приказом Главкома ВВС уволен в запас по состоянию здоровья.

С 23 декабря 1965 г. работаю в Отделении Библиотеки АН СССР при ЛО Института востоковедения АН СССР в должности ст. библиотекаря.

С 1967 г. женат, имею дочь (1968 г. рожд.). Дата: 3 сентября 1973 г. Подпись».

Лаконично и точно, как все, что он делал...

К этому можно добавить, что потом, до самого последнего дня своей жизни, Валерий Вячеславович самозабвенно, честно и упорно работал. Работал, как и положено настоящему ученому: кропотливо, неторопливо, внимательно и с исключительной требовательностью к себе...

С 1976 по 1984 г. Полосин был директором библиотеки Института, а с 2001 по 2008 г. — заведующим сектором Ближнего Востока. Мне посчастливилось работать

с Валерием Вячеславовичем и в библиотеке, и в секторе, и я могу с полной ответственностью сказать, что он был исключительным руководителем — чутким, деликатным и требовательным одновременно. Он сыграл решающую роль и в моей профессиональной судьбе, добившись моего принятия в штат библиотеки и превратив меня из знающего иврит молодого книгочей в востоковеда-гебраиста и направив на изучение еврейской книжной традиции. Период работы в библиотеке подарил Валерию Вячеславовичу, по моим наблюдениям, редчайший опыт соприкосновения с самым широким спектром восточной книжности и превратил его в востоковеда-энциклопедиста. Это было время активной инвентаризации фондов на восточных языках, к которой привлекались молодые востоковеды: китайсты, японисты, арабисты, гебраисты и др., — и все они находили поддержку и понимание у мудрого директора... Происходило чудесное взаимообогащение: Полосин отдавал себя книгам, и книги открывались ему во всем своем изумительном богатстве и многообразии. Для меня нет сомнения в том, что именно этот опыт помог Валерию Вячеславовичу в дальнейшем столь эффективно руководить сектором Ближнего Востока, научная тематика исследований которого выходила далеко за рамки его узкой востоковедной специальности — арабистики.

Но, безусловно, не административная, а научная деятельность была смыслом жизни Валерия Вячеславовича. Его первым крупным исследованием стала знаменитая библиография арабской книги «Фихрист» (Указатель) Ибн ан-Надима. Этому памятнику X в. была посвящена кандидатская диссертация «„Фихрист“ Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X в.», защищенная в Институте в 1984 г. и опубликованная как монография в 1989 г. (М.: Наука, ГРВЛ, 1989). Идеи, выдвинутые Полосиным в этом исследовании, стали стимулом для работы других ученых-востоковедов, о чем свидетельствует, например, последняя статья Н.И. Серикова «Почему Ибн ан-Надим взялся за составление *Китаб ал-фихрист*» (см.: Исследования по Аравии и исламу. Сб. статей в честь 70-летия М.Б. Пиотровского. М.: ГМВ, 2014. С. 456–473). До последних дней своей жизни Валерий Вячеславович занимался развитием нового направления — арабистической дескриптивной археографии, — смысл которого, как он сформулировал в статье «Новое в изучении арабских иллюминированных рукописей» (Петербургское Востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 153), в «переключении археографического интереса с текста, представленного конкретным списком, на рукопись как таковую, т.е. в принципиальном обновлении объекта описания в каталогах арабских рукописей». Его интересовали общие законы оформления памятников арабографичной письменности, а также конкретные варианты традиции — арабо-христианский и друзский (Полосин В.В., Сериков Н.И., Французов С.А. Арабская Псалтырь. Приложение к факсимильному изданию Рукописи А 187. Санкт-Петербург–Воронеж: Кварта, 2005; Полосин В.В. Старейшая рукопись полной Библии на арабском языке (возвращение к давнишней дискуссии) // Христианский Восток. М.: Индрик, 2009 (Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Том 5(XI). Новая серия). С. 71–91; Полосин В.В. Друзские рукописи в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // *Rasa'ul al-hikma* (Послания мудрости, I–XIV). Из друзских рукописей СПбФ ИВ РАН. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995 (Памятники культуры Востока). С. 10–34).

С сожалением надо отметить, что некоторые важнейшие труды, в которых принимал участие В.В. Полосин в качестве соавтора или автором которых он являлся, до сих пор не опубликованы. В первую очередь я имею в виду: «Каталог арабо-христианских рукописей из собрания СПбФ ИВ» (в соавторстве с

Влад.В. Полосиным, Н.И. Сериковым и С.А. Французовым), «Миниатюры петербургской рукописи „Макам“ ал-Харири» (в соавторстве с О.Г. Большаковым. Полосиным написан раздел «Состояние рукописи») и монографию В.В. Полосина «Невербальная информация в арабских рукописях. Очерки средневековой книжной культуры». Это последняя монография В.В. Полосина, написанная в рамках научного плана Института. Я позволю себе процитировать отзыв на эту работу, который был составлен мною к ее обсуждению (Протокол № 1 заседания Отдела рукописей и документов ИВР РАН от 23 января 2013 г.): «На обсуждение представлено „пионерское“ в полном смысле этого слова исследование эстетических критериев оценки арабской рукописной книги. Здесь все ново, оригинально и, если угодно, неожиданно. В.В. Полосин не просто „поверил алгеброй гармонию“, но и абсолютно убедительно доказал нам, что именно „алгебра“ (точнее, конечно, геометрия) и лежит в основе книжной гармонии. Казалось бы, перед нами очевидный факт: основной (визуальной) работе иллюминатора рукописи и профессионального писца предшествует подготовительный период разметки и разлиновки материала. То есть материал (пергамен или бумага) сначала расчерчивается определенным образом, и лишь потом на него наносится текст или рисунок. Однако совершенно неочевидным является тот факт, что соблюдение конкретных, достаточно жестких, неписанных (в смысле, не прописанных в дошедших до нас руководствах по арабской каллиграфии или декору) правил пропорций и является основой эстетической оценки выполненного труда. Именно это и показывает нам исследование Полосина. Автор в процессе кропотливейшего труда сумел подобрать ключ к пониманию эстетики арабографичной книги прошлого! И если говорить шире — к основной культурной составляющей арабографичной мусульманской цивилизации в целом, потому что ее основанием и является КНИГА. Перед нами исключительный труд, в котором видна не только колоссальная профессиональная эрудиция автора (об этом свидетельствуют, в частности, подробнейшие библиографические сноски), но и исключительная тщательность — каждая схема соотношений размеров разбирается на конкретных примерах, которые сопровождаются наглядными схемами и иллюстрациями». Для меня нет сомнений в том, что издание этой монографии станет и важнейшей вехой в развитии невербального подхода к изучению арабографичных памятников, и выполнением нашего долга перед ее автором.

И последнее, что хочется добавить: 14 ноября 2014 г. от нас «путем всея земли», как говорили мои предки (Книга Иисуса Навина 23:14), ушел один из самых красивых, благородных и достойных людей, живших на Земле.

С.М. Якерсон

АВТОРЫ ППВ-22

Бурмистров Сергей Леонидович — д.филос.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Горяева Любовь Витальевна — к.ф.н., в.н.с. Института востоковедения РАН

Гуревич Изабелла Самойловна — к.ф.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Ермакова Татьяна Викторовна — с.н.с., к.филос.н. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Иванов Владимир Павлович — к.ф.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Иоаннесян Юлий Аркадьевич — к.ф.н., с.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Колесников Али Иванович — д.и.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Маранджян Каринэ Генриховна — к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Марахонова Светлана Ивановна — к.и.н., н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН

Носов Дмитрий Алексеевич — к.ф.н., м.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Островская Елена Петровна — д.филос.н., в.н.с., зав. сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Пан Татьяна Александровна — к.и.н., зав. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН

Рыбаков Вячеслав Михайлович — д.и.н., в.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН

Танонова Елена Викторовна — к.ф.н., м.н.с. Отдела рукописей и документов ИВР РАН

Хосроев Александр Леонович — д.и.н., гл.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Чехович Надежда Олеговна — м.н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН

Шомахмадов Сафарали Хайбуллоевич — к.и.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН

Юнусов Марат Мингалиевич — к.и.н., н.с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН

Юсупова Зара Алиевна — д.ф.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

Якерсон Семен Мордухович — д.и.н., в.н.с. Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес редакция: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 119049, Москва, Мароховский пер., 26 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 14.08.2015. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. п. л. 18,0

Усл. кр.-отт. 19,2. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 500 экз. Изд. № 8599. Зак. №

Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6